

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Часть первая. ЖИЗНЬ

«Никогда ничего не бойтесь». Священник Василий Гундяев – дед Патриарха

Протоиерей Михаил Гундяев – отец Патриарха

«Я шел в школу, как на Голгофу». Школьные годы будущего Патриарха

«Такие люди рождаются... раз в сто лет...». Митрополит Никодим (Ротов)

Студенчество, постриг, рукоположение

Представитель при Всемирном совете Церквей

Ректор Ленинградской духовной академии

«Через Смоленск я узнал жизнь России». Архипастырь земли Смоленской

«Там все пришлось начинать с нуля». Калининград

Митрополит Кирилл – председатель ОВЦС. 1990–1992 годы

Политический кризис 1993 года

Межправославные отношения в 1990–2008 годах

Положение Православной Церкви в Молдове

«Эстонский вопрос»

Украинский церковный вопрос

Межхристианские отношения в 1990–2008 годах

Отношения с дохалкидонскими Церквами

Отношения с Римско-католической Церковью

Отношения с протестантами, реформатами и англиканами

Отношения с Всемирным советом Церквей

Межрелигиозный диалог

Межрелигиозное сотрудничество в России и странах СНГ

Диалог «Ислам–Православие»

Европейский Совет религиозных лидеров

Участие в Архиерейских соборах

«Основные принципы отношения к инославию»

«Основы социальной концепции»

«Основы учения о правах человека»

Собрание «русского мира»

Архипастырские поездки и открытие новых приходов в диаспоре

Работа с соотечественниками

Усилия по реорганизации русской церковной диаспоры в Европе

Воссоединение Церкви в рассеянии с Церковью в отечестве

Диалог со старообрядчеством

Общественная и просветительская деятельность

Всемирный русский народный собор

«Слово пастыря»

«Имя Россия»

Газетная кампания против Церкви

Митрополит Кирилл – Местоблюститель Патриаршего Престола

«Днесь благодать Святаго Духа нас собра». Избрание на Патриарший Престол

«Нет и не может быть в жизни Патриарха ничего личного». Интронизация

Часть вторая. МИРОСОЗЕРЦАНИЕ

Вера

Бог и человек
Христос
Церковь и церковное Предание
Служение Церкви
    Епископство
    Пастырство и духовничество
    Монашество
    Служение мирян
Богослужение
Духовное образование
Брак и семья. Воспитание детей
Миссионерское служение. Церковь и культура
Церковь и государство
«Русский мир» и «диалог цивилизаций»
Межправославные отношения
Православие и католичество
Православие и протестантизм
Кризис экуменизма. Участие в межхристианских организациях
Традиционные и либеральные ценности
Демографический кризис и «кризис личности»
Права человека и нравственная ответственность
Европейский проект

Примечания

Предисловие

Настоящая книга написана или, скорее, составлена в ответ на многочисленные просьбы тех людей, как церковных, так и далеких от Церкви, которых интересует личность нового Патриарха Московского и всея Руси.

Патриарх Кирилл – публичная фигура. Будучи еще митрополитом Смоленским и Калининградским, председателем Отдела внешних церковных связей, он на протяжении многих лет регулярно выступал по телевидению и в других средствах массовой информации. Его суждения по основным вопросам современности хорошо известны тем, кто постоянно следит за жизнью Церкви.

В то же время никому до сих пор не приходило в голову систематизировать его мысли, высказанные в разное время, в разных аудиториях, по разным поводам. До настоящего времени не было подробной биографии нового Патриарха, за исключением официального сухого перечня заслуг и церковных послушаний.

Эти очевидные лакуны призвана заполнить настоящая книга. Она построена в форме диалога между автором и главным героем – диалога, в котором герою отдано абсолютное преимущество. Визуально авторский текст очень легко отличить от мыслей героя книги, ибо последние всегда выделены курсивом и снабжены ссылками на источник. В биографическом разделе авторский комментарий в основном посвящен историческому контексту тех событий, с которыми связана жизнь Патриарха Кирилла. В богословском разделе комментарий направлен на то, чтобы уловить логическую связь между высказываниями Патриарха по тем или иным богословским, нравственным и церковно-политическим вопросам.

Хронологически книга охватывает период жизни митрополита Кирилла до его избрания на Патриарший Престол. Таким образом, это не столько книга о Патриархе, сколько книга о будущем Патриархе, о его пути к высшему церковному служению. Размах его деятельности, особенно в течение тех лет, когда он возглавлял Отдел внешних церковных связей, беспрецедентен.

Патриарх Кирилл – выдающийся оратор, мастер устного слова. Его проповеди и другие выступления отличаются насыщенностью и глубиной мысли, динамизмом, яркостью формулировок.

Литературное наследие Патриарха Кирилла весьма обширно. С точки зрения способов создания текстов оно подразделяется на три категории. К первой относятся его устные выступления в различных аудиториях, расшифрованные по аудиозаписи и отредактированные. Ко второй – статьи и доклады, который он писал самостоятельно. К третьей – статьи, доклады и интервью, текст которых готовился его помощниками под его диктовку или по намеченному им плану. На наш взгляд, наиболее интересным пластом творчества Патриарха являются работы, принадлежащие к первым двум категориям. Именно в них звучит его живой голос, чувствуется пульсация его богословской мысли. Однако в настоящей книге мы использовали все три типа источников, дабы богословская мысль Патриарха была представлена с достаточной полнотой.

Среди источников, использованных нами, необходимо упомянуть книгу «Слово пастыря», основанную на телевизионных передачах, которые митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл вел в 1990-х годах. Нами были просмотрены все выпуски журнала «Церковь и время» за 1997—2008 годы (в каждом выпуске содержится как минимум одна публикация митрополита Кирилла). Были просмотрены «Журналы Московской Патриархии» за период с конца 1960-х годов до настоящего времени, а также другие церковные издания. Были учтены все выступления Патриарха Кирилла на

Всемирных русских народных соборах, многие выступления на межправославных, межхристианских, межрелигиозных, церковно-общественных и церковно-политических форумах.

Наряду с печатными источниками, мы просмотрели несколько тысяч материалов и информационных сообщений, имеющих в Интернете, а также аудио- и видеозаписи выступлений Патриарха Кирилла в 1990-х и 2000-х годах.

Несмотря на использование столь обширного материала, многое в деятельности Патриарха Кирилла и многие его высказывания по основным современным вопросам остались за кадром. Мы надеемся, что эти неизбежные упущения будут восполнены другими исследователями и летописцами.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЖИЗНЬ

«Никогда ничего не бойтесь».

Священник Василий Гундяев – дед Патриарха

Патриарх Кирилл – священнослужитель в третьем поколении. Его дед по отцовской линии, Василий Степанович Гундяев, родился в Астрахани. В 1903 году семья прадеда Патриарха переехала в город Лукоянов Нижегородской губернии. Василий работал машинистом-механиком в железнодорожном депо. Он был глубоко религиозным человеком и воспитывал детей в православной вере, прививая им любовь к Церкви и богослужению. В семье было семеро детей и одна приемная дочь.

Семья жила очень скромно, несмотря на то что Василий получал немалое жалование. Основную часть года семья проводила в служебном доме при железнодорожном депо, и лишь на лето Василий с женой и детьми выезжали в село Оброчное, где в небольшом деревянном домике проводил отпуск. Такой образ жизни не соответствовал уровню доходов Василия Гундяева. Спустя много лет, когда Василий был уже на закате жизни, его внук, будущий Патриарх, спросил его: «А где же все твои деньги-то? Как же это получилось, что ни до революции, ни после нее ты ничего не накопил?» Дед ответил коротко: «Все деньги я посылал на Афон».

Рассказывает Патриарх Кирилл: *«Совсем недавно, будучи в паломничестве на Афоне и посещая монастырь Симона Петра, я спросил у игумена, есть ли в обители записи на вечное поминовение начала XX века? Он сказал, что есть. Я мысленно прикинул, в какие примерно годы дед мог посылать деньги – конечно, до войны 1914 года. И попросил: посмотрите в книгах под 1913 годом русские имена. Буквально через несколько минут мне принесли этот синодик, открыли 1913 год, и я увидел записанной всю нашу семью. И когда совсем недавно настоятель монастыря Симона Петра приезжал в Москву на чествование Святейшего Патриарха Алексия, то он об этом факте сказал в своем официальном выступлении на торжественном приеме. Думаю, подобные записи есть и во всех других святогорских обителях»¹.*

В октябре 1917 года к власти в России пришли большевики. Частью их идейной программы была борьба с религией. Сразу же после революции начались жестокие гонения на Церковь, аресты и убийства священнослужителей. Первой жертвой революционного террора стал петербургский протоиерей Иоанн Кочуров, убитый 31 октября 1917 года: его смерть открыла трагический список новомучеников и исповедников Российских, включающий имена десятков тысяч представителей духовенства и монашествующих, сотен тысяч мирян.

Казни священнослужителей совершались с изощренной жестокостью: их закапывали в землю живьем, обливали на морозе холодной водой до полного обледенения, варили в кипятке, распинали, засекали до смерти плетью, зарубали топором. Многих священнослужителей перед смертью пытали, многие были казнены вместе с семьями или на глазах у жены и детей. Церкви и монастыри подвергались разгрому и разграблению, иконы – поруганию и сожжению. Разнузданная кампания против религии была развернута в прессе.

14 февраля 1919 года Наркомат юстиции издал постановление об организованном вскрытии мощей. Для этой цели были назначены специальные комиссии, которые в присутствии священнослужителей и мирян публично оскверняли мощи святых. Целью кампании была дискредитация Церкви и разоблачение «фокусничества и шарлатанства».

В 1922 году советская власть начала кампанию по изъятию церковных ценностей. Поводом к этой кампании послужил голод, охвативший Поволжье и некоторые другие регионы России. К маю 1922 года голодало около 20 миллионов человек, около миллиона скончалось. Вымирали целые деревни, дети оставались сиротами, люди покидали

голодающие районы и гибли в пути. Эту ситуацию власть решила использовать для нанесения мощного удара по Церкви. В прессе была развернута кампания против Церкви, которую обвинили в сокрытии ценностей и безразличии к бедствиям народа. В феврале 1922 года началось «принудительное изъятие» церковных ценностей, сопровождавшееся в некоторых случаях массовыми протестами. При изъятии церковных ценностей из кафедрального собора в Шуе вокруг собора столпились люди, которые пытались защитить святыни, но красноармейцы расстреляли толпу.

19 марта 1922 года В.И. Ленин составил секретное письмо членам Политбюро, в котором предлагалось использовать голод как повод для полного разгрома церковной организации в России: *«Все соображения указывают на то, что позже сделать нам этого не удастся, ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, который бы либо обеспечивал нам сочувствие этой массы, либо, по крайней мере, обеспечил бы нам нейтрализование этих масс в том смысле, что победа в борьбе с изъятием ценностей останется безусловно и полностью на нашей стороне... Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий»*ⁱⁱ.

30 марта на заседании Политбюро был принят план разгрома Церкви, включающий арест Синода и Патриарха, развертывание новой антирелигиозной кампании в прессе, изъятие церковных ценностей по всей стране. Патриарха Тихона стали вызывать на допросы в ГПУ. По всей стране начались судебные процессы против священнослужителей и мирян, обвинявшихся в сопротивлении изъятию церковных ценностей. В ночь с 12 на 13 августа по обвинению в сокрытии церковных ценностей был расстрелян митрополит Петроградский Вениамин.

Помимо гонений со стороны безбожной власти, удары по Церкви наносили многочисленные внутренние нестроения и расколы. К 1922 году оформился «обновленческий раскол». Обновленцы покушались на всестороннее изменение церковной жизни, сокрушение многовековых традиций, ратовали за введение женатого епископата и множество других новшеств. Но главным в программе обновленцев было свержение законной церковной иерархии во главе с Патриархом Тихоном. Для этой цели они вступили в альянс с ГПУ, которое оказало им активную поддержку.

После смерти Патриарха Тихона в 1925 году в Церкви наступил канонический хаос, вызванный тем, что власти препятствовали созыву собора для избрания нового Патриарха. Несколько месяцев Церковь возглавлял митрополит Крутицкий Петр, но он вскоре был арестован. Власть оказалась в руках его временного заместителя, митрополита Нижегородского Сергия. В 1927 году он издал декларацию о лояльности советской власти: это была попытка Церкви легализовать свое положение в Советском Союзе. Декларация гласила: «Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской Родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи»ⁱⁱⁱ.

Издание «Декларации» не остановило гонений на Церковь. Наоборот, в 1928—1931 годах они развернулись с новой силой. К 1 января 1928 года на территории РСФСР находилось 28 560 приходов Русской Православной Церкви, а вместе с приходами обновленцев и других раскольников число приходов приближалось к 39 тысячам (т.е. 2/3 от дореволюционного количества). В течение 1928 года закрыли 354 Церкви, а в 1929-м – 1119, из которых 322 были уничтожены. В Москве из 500 храмов к январю 1930 года оставалось только 224, а через два года – лишь 87. В 1931 году был взорван храм Христа Спасителя. По всей стране боролись с колокольным звоном, срывали и разбивали колокола. Продолжалось уничтожение икон и осквернение святынь.

В 1932 году «Союз воинствующих безбожников» спланировал пятилетку борьбы с религией: согласно плану, Церкви всех конфессий должны быть закрыты, а

священнослужители высланы за границу, и «к 1 мая 1937 года имя Бога должно быть забыто на всей территории СССР». Разумеется, священнослужителей за границу никто не высылал: их продолжали заключать в тюрьмы и расстреливать, причем, в отличие от времен Ленина, когда производились громкие и публичные судебные процессы, теперь для расстрела достаточно было приговора «тройки». В 1930-е годы, когда сталинский террор ударил по всем слоям населения, арестам и расстрелам стали подвергать всех священнослужителей без разбора, включая обновленцев.

В результате беспрецедентных гонений 1930-х годов Церковь в СССР была почти полностью разгромлена. К 1939 году на всей территории страны сохранилось лишь около ста действующих храмов. Не осталось ни одного монастыря, ни одного церковного учебного заведения. Лишь четыре правящих архиерея оставались на свободе, еще несколько архиереев служили настоятелями храмов. На Украине оставалось лишь три процента от дореволюционного числа храмов.

Что происходило в эти годы с Василием Гундяевым? В первые четыре года после Октябрьской революции он еще был на свободе. Вспоминает Патриарх Кирилл: *«Судьба деда была драматична... В 20—30-е годы боролся против обновленчества, был близок к Патриарху Сергию в бытность его митрополитом Нижегородским. От него он получал личные указания, как нужно бороться с обновленчеством, и его борьба была достаточно эффективной. Вместе со своим двоюродным братом они открыли свечную мастерскую, и когда приезжали за свечами старосты обновленческих храмов, то мой дед уговаривал их вернуться в Церковь, уйти из раскола. А если старосты были уж очень упорны в своих раскольнических убеждениях, он просто не давал им свечи. В результате такой политики кнута и пряника за несколько месяцев большинство приходов Лукояновского уезда, в котором жил мой дед, вернулось в Православную Церковь. В моем личном архиве хранятся копии статей из местной прессы, в которой была поднята целая кампания против деда. Он обвинялся в разжигании религиозного фанатизма. В конце концов его арестовали»^{iv}*. Так начался его исповеднический путь, продолжавшийся почти три десятилетия.

Вскоре после ареста Василий был сослан на Соловки. Соловецкий лагерь особого назначения был создан декретом Совета Народных Комиссаров в 1923 году на территории Соловецкого архипелага. Древняя обитель, основанная преподобными Зосимой и Савватием Соловецкими, превратилась в одно из отделений ГУЛАГа, покрывшего колючей проволокой всю Россию. К концу 1930 года в лагере было более 70 тысяч заключенных. Среди них – академики и профессора, писатели и поэты, философы и актеры, политработники и военные, аристократы и крестьяне, женщины и дети, епископы и священники, православные и католики.

Василий Гундяев был одним из первых соловецких узников. В заключении он работал механиком, отремонтировал посаженный на мель пароход, ходивший между Соловецким архипелагом и материком. Сокамерники относились к Василию с уважением. Он поддерживал общение с архиереями и священниками, находившимися в лагере^v.

Одним из узников был архиепископ Иларион (Троицкий), ближайший помощник Патриарха Тихона. Высокого роста, крупного телосложения, с густыми русыми волосами, он привлекал к себе своим спокойствием, приветливостью и жизнерадостностью. В тяжелейших условиях лагеря владыка Иларион сохранял присутствие духа, монашеское незлобие и простоту. После шести лет Соловков святителя должны были отправить в ссылку в Казахстан. Однако в пути он смертельно заболел тифом. Перед смертью его, уже тяжелобольного, обрили наголо. Когда святителя отпевали, одна из родственниц, увидев его мертвым, упала в обморок: в гробу лежал жалкий, обритый, седой старичок, в котором невозможно было узнать прежнего Илариона. В момент смерти ему было 43 года.

Василий Гундяев был знаком со священномучеником Иларионом. Вспоминает Патриарх Кирилл: *«Удивительным образом святитель Иларион связан с моей семьей – через моего деда, иерея Василия, также исповедника Божия, который в 22-м году за*

борьбу с обновленчеством в Нижегородской губернии был сослан и в то же самое время, когда и святитель Иларион, оказался на Соловках. Он лично знал святителя и всех других иерархов, был участником знаменитого Соловецкого собора. Затем так же много страдал, пройдя 46 тюрем и 7 лагерей, и почти 30 лет находился в заключении... Вот через таких людей мы, следующее поколение православных, родившиеся уже в безбожное время, получили великое свидетельство о вере и мужестве наших предков, которые стояли насмерть, защищая единство Церкви и саму возможность для верующих людей принимать Таинства Святой Евхаристии, Крещения и другие Таинства, оставаться в общении с Богом через страдающую Мать – Православную Церковь».

Соловецкий собор, о котором упоминает Патриарх, состоялся летом 1927 года для обсуждения декларации митрополита Сергия. Епископы, находившиеся в заключении, направили митрополиту Сергию послание, в котором одобрили его заявление о лояльности Церкви к советской власти во всем, что касается гражданского законодательства и управления. Однако основное содержание послания вызвало протест у соловецких узников: «Церковь не может взять на себя перед государством (какова бы ни была в последнем форма правления) обязательства считать «все радости и успехи государства – своими радостями и успехами, а все неудачи – своими неудачами», ибо всякое правительство может иногда принимать решения безрассудные, несправедливые и жестокие, которым Церковь вынуждена подчиниться, но не может им радоваться или их одобрять. В задачу настоящего Правительства входит искоренение религии, но успехи его в этом направлении Церковь не может признать своими успехами»^{vi}.

После издания декларации та часть епископата, которая отказалась ее признать, перестала почитать митрополита Сергия за богослужением. Однако святитель Иларион (Троицкий) не встал на сторону «непоминающих», сохраняя постоянную связь с церковной властью. Личную связь с митрополитом Сергием сохранял и Василий Гундяев.

В конце 1920-х годов Василий вышел на свободу, однако уже в начале 30-х он был снова арестован. На этот раз причиной ареста послужило его участие в борьбе против закрытия монастыря в Лукоянове. Вспоминает Патриарх Кирилл: «Когда деда сажали, бабушка оставалась на воле. И когда его посадили во второй раз, а это было в 30-х, когда в стране свирепствовал голод, она сказала: все, теперь мы умрем. А у них было восемь детей: семь родных и одна дочь приемная. И дед сказал: поскольку я буду как бы нести крест за Христа, вы останетесь живы. Потом бабушка рассказывала, что в какой-то момент она поняла: все, жизнь кончилась, потому что на всех осталась лишь маленькая горсточка муки. Она из этой муки приготовила какие-то лепешки, они их скушали, а завтра есть уже было нечего. И вот ночью раздался стук в окно. Бабушка вскакивает, а с улицы голос: хозяйка, принимай груз. Открыла дверь – стоит мешок, полный муки, и вокруг – никого. Вот этот мешок муки спас и моего отца, и мне дал возможность появиться на свет»^{vii}.

Годы ссылки и тюрем не сломили Василия. Своих детей и внуков он наставлял: «Никогда ничего не бойтесь. В этом мире нет ничего такого, чего следовало бы по-настоящему бояться. Нужно бояться только Бога»^{viii}.

После освобождения Василий долго находился на нелегальном положении: «Он был просто как бродяга, потому что единственная возможность спастись для него была одна – скрываться от властей. У него не было дома. Он был в полном смысле слова homeless*»^{ix}.

Лишь в конце 40-х годов его положение было легализовано, и он впервые смог приехать в Ленинград. Вспоминает Патриарх Кирилл: «Мы с мамой встречали его на Московском вокзале. Я хорошо помню эту сцену: вышел из вагона сухощавый пожилой человек, мне даже показалось – старичок, с огромным черным фанерным чемоданом, и мама подбежала к нему: «Папа, папа! Мы сейчас возьмем носильщика». А он возмутился:

---

* Homeless (англ.) — бездомный.

«Какого еще носильщика?» – «Ну как, чтобы помочь чемодан нести...» Дед улыбнулся, снял ремень, перевязал им чемодан, взвалил на плечи, и мы пошли. Эту встречу я хорошо запомнил»^x.

Мечтой Василия было священство. Однако лишь на закате дней, уже в хрущевскую эпоху, он удостоился рукоположения в сан диакона и был приписан к храму города Бирска. Затем был рукоположен в сан священника и назначен на служение в башкирское село Уса-Степановка, где власти объявили о намерении закрыть храм. Отец Василий активно противодействовал этому. *«Батюшку Василия я помню хорошо, – рассказывает жительница Усы-Степановки Вера Мигранова. – Когда власти пытались закрыть храм, буквально грудью вставал на защиту. Благо, что обладал невероятной физической силой, хотя и был небольшого роста. И всегда находил для нас, ребяташек, пару конфет»^{xi}.*

Будучи 80-летним старцем, иерей Василий ревностно служил Богу и Церкви. Иной раз ходил за 14 километров пешком причащать больных. Но в конце 1960-х годов начал слепнуть *«и понял: больше служить не сможет – опасно было совершать литургию, ведь священник имеет дело со Святыми Дарами. Тогда он собрался и поехал в Москву, к Патриарху Алексию I, который его очень ласково принял. Дед поведал ему о всей своей жизни. И сказал: «Ваше Святейшество, без Вашего личного согласия я не могу покинуть приход, потому что он будет закрыт. Никто там служить не станет». Дед получил благословение Патриарха, который напутствовал его словами: «Вы, отец Василий, и так всю свою жизнь посвятили Церкви Божией и сделали столько, сколько другому человеку не под силу. Живите спокойно, считайте, что вы совершили все, что могли. Можете возвратиться к себе домой, к своей семье». И дед уехал. Храм после этого закрыли»^{xii}.*

После ухода на покой отец Василий вернулся в село Оброчное (бывшей Арзамасской губернии, ныне Мордовия), где ребенком проводил лето вместе со своими родителями. Там он и скончался 31 октября 1969 года. Отпевали его в храме села Ичалки недалеко от Оброчного. Среди священнослужителей, участвовавших в отпевании, были сын иерея Василия протоиерей Михаил Гундяев и два внука – иерей Николай, преподаватель Ленинградской духовной академии, и иеромонах Кирилл, студент той же академии, будущий Патриарх^{xiii}.

Протоиерей Михаил Гундяев – отец Патриарха

Отец Патриарха Кирилла, Михаил Васильевич Гундяев, родился 6 января 1907 года в Лукоянове. Воспитанный в глубоко религиозной семье, он, как и его отец, с детства хотел быть священником. По окончании средней школы Михаил остался в Лукоянове, исполняя обязанности секретаря и иподиакона при местном архиерее – епископе Сергии (Мельникове) († 1934)^{xiv}.

В 1926 году Михаил поступил на Высшие богословские курсы в Ленинграде – единственное еще не закрытое большевиками богословское учебное заведение страны. Знаменитая Санкт-Петербургская духовная академия была закрыта уже в 1918 году, и вместо нее были созданы Богословско-пастырские курсы. В 1920 году курсы были преобразованы в Богословский институт, в числе преподавателей которого были многие видные профессора Санкт-Петербургской академии. В мае 1923 года институт был ликвидирован властями, а в марте 1924-го аналогичный институт открыли обновленцы. В сентябре 1925 года на базе Богословских курсов Центрального района Ленинграда были созданы Высшие богословские курсы, ректором которых стал недавно освобожденный из заключения профессор протоиерей Николай Чуков (будущий митрополит Ленинградский Григорий)^{xv}.

Вспоминает Патриарх Кирилл: *«На развалинах духовных академий в 20-х годах наши выдающиеся богословы, которые работали как в академиях, так и в университетах, создавали очаги богословского просвещения. Знаменитый богословский институт в Петрограде... представлял из себя не что иное, как место сотрудничества профессоров Санкт-Петербургского университета и Санкт-Петербургской духовной академии. После пяти с небольшим лет существования это учебное заведение было разогнано, большинство профессоров арестовано. Вспоминаю об этом для того, чтобы подчеркнуть, какой же все-таки огромный потенциал – не только творческий, но и волевой – присутствовал у наших отечественных богословов. В сложное время они пытались воссоздать очаг русской богословской мысли»*^{xvi}.

На богословских курсах Михаил учился вместе с Н.Д. Успенским, который впоследствии стал крупнейшим православным литургистом и знатоком древнего церковного пения. Преподавали на курсах бывшие профессора Санкт-Петербургской духовной академии и Санкт-Петербургского университета. В крайне стесненных условиях, гонимые и преследуемые атеистическим режимом, они предпринимали героические усилия для того, чтобы сохранить едва теплящийся огонек богословской науки.

Михаил Гундяев учился на Высших богословских курсах до весны 1928 года, так как осенью того же года они были закрыты, после чего Михаила призвали в армию. По окончании двух лет военной службы он вернулся в Ленинград, имея намерение поступить в медицинский институт. Однако единственным учебным заведением, в которое можно было поступить после обучения на богословских курсах, оказался механический техникум.

1933 год стал переломным в судьбе Михаила. Весной этого года он окончил техникум и начал работать конструктором на ленинградском заводе имени Калинина. Осенью поступил в Ленинградский индустриальный институт. Тогда же встретил свою будущую жену Раису Владимировну (урожденную Кучину), студентку Института иностранных языков. С Михаилом она познакомилась в храме Киевского подворья, где они оба пели в церковном хоре. Вспоминает Патриарх Кирилл: *«Отец пел по субботам, воскресеньям и праздникам в хоре Киевского подворья в Санкт-Петербурге, что на*

набережной Лейтенанта Шмидта (кажется, до революции она называлась Николаевской набережной). Там же, на клиросе, он познакомился с моей мамой, которая тогда тоже училась и работала, а в выходные пела в церковном хоре. За несколько дней до свадьбы отца арестовали и отправили на Колыму, он был одним из тех, кто осваивал Колымский край. И брак был заключен только после того, как папа вернулся. Поэтому брак был поздний – и отцу, и маме было около 30 лет»^{xvii}.

Об обстоятельствах ареста своего отца Патриарх Кирилл рассказывает: *«За несколько дней до свадьбы они слушали «Страсти» Баха в филармонии. Вышли, и отец под впечатлением этой музыки говорит: «Ты знаешь, мне кажется, что меня посадят в тюрьму». Мама говорит: «Как ты можешь так говорить, у нас через несколько дней свадьба». Он говорит: «Меня на протяжении всего концерта не покидало чувство, что меня арестуют». Он проводил ее до дома, потом подошел к своему собственному дому, увидел автомобиль. Тогда было мало автомобилей в Ленинграде, и он понял, что это за ним. Поднялся, и действительно, в его доме уже были представители соответствующей службы. Он был арестован, был произведен обыск и найдены конспекты по богословию, которые он составлял, когда учился. Там слово «Бог» было написано с большой буквы. Этих конспектов хватило для того, чтобы его арестовать»^{xviii}.*

Итак, конспекты, оставшиеся у Михаила со времени обучения на богословских курсах, стали главной уликой для выдвижения против него обвинения в антисоветской деятельности. На допросах следователь требовал от Михаила признания в попытке покушении на Сталина, угрожая расстрелом, однако он упорно отказывался дать признательные показания^{xix}. Во время допроса Михаил спросил следователя: «Скажите, пожалуйста, как может студент в городе Ленинграде покушаться на жизнь вождя, живущего в Москве, работающего и охраняемого в Кремле?» Следователь ответил: «А вот вы нам и расскажите, как вы это хотели сделать». И предложил подписать ему согласие с обвинением, обещая, что в таком случае его не расстреляют, а дадут небольшой срок. Михаил сказал: «Лучше вы меня сразу расстреляйте, но я никогда не подпишу такого обвинения»^{xx}.

25 февраля 1934 года Михаил Гундяев был осужден на три года исправительно-трудовых лагерей и отправлен на Дальний Восток. Рассказывает Патриарх Кирилл: *«Когда я был назначен правящим архиереем Смоленской епархии и приехал в Смоленск, меня навестил актер местного драматического театра, который сказал, что его отец сидел вместе с моим отцом. Я сначала не поверил. Но он показал письма, в которых его отец описывает путешествие из Ленинграда на Колыму, рассказывает о том, как их гнали на восток в забитых до отказа людьми вагонах, и все были в тяжелом, подавленном состоянии. Но среди них был какой-то странный молодой человек, его называли Мишенькой Гундяевым; он был такой радостный, веселый, у него так светило лицо! Когда его спрашивали: «Чему ты радуешься?» – он говорил: «А почему мне нужно печалиться, меня ведь не за преступления посадили, а за верность Господу». И такое радостное состояние он пронес через всю свою жизнь. Он был очень добрым и легким человеком, человеком глубокой духовной и молитвенной жизни. И, конечно, он был очень сильным человеком... Даже вспоминая о временах заключения, он всегда находил добрые слова в адрес людей, которые его там окружали»^{xxi}.*

В канун 1937 года Михаил был освобожден из заключения, вернулся в Ленинград и работал на ленинградских предприятиях – сначала токарем, затем техником-технологом и, наконец, конструктором и начальником цеха. Когда в июне 1941 года началась Великая отечественная война, Михаил работал главным механиком на одном из военных заводов.

8 сентября 1941 года началась блокада Ленинграда. 22 декабря начальник штаба военно-морских сил Германии издал директиву № 1601 под названием «Будущее города Петербурга», где говорилось: «Фюрер принял решение стереть город Петербург с лица земли. После поражения Советской России дальнейшее существование этого крупнейшего населенного пункта не представляет никакого интереса... Предполагается

окружить город тесным кольцом и путем обстрела из артиллерии всех калибров и непрерывной бомбежки с воздуха сровнять его с землей. Если вследствие создавшегося в городе положения будут заявлены просьбы о сдаче, они будут отвергнуты, так как проблемы, связанные с пребыванием в городе населения и его продовольственным снабжением, не могут и не должны нами решаться. В этой войне, ведущейся за право на существование, мы не заинтересованы в сохранении хотя бы части населения»^{xxii}.

Блокада северной столицы продолжалась 871 день. Город был практически отрезан от остальной страны и подвергался регулярным артиллерийским обстрелам. Однако большинство людей погибло не в результате артобстрелов, а от голода и истощения. В общей сложности число погибших в Ленинграде, по различным данным, составило от полумиллиона до миллиона человек (на Нюрнбергском процессе упоминалась цифра 632 тысячи). Особенно тяжелой была зима 1941/42 года, когда истощенные голодом люди умирали прямо на улице, и специальные похоронные службы сотнями увозили трупы.

В первые месяцы блокады Михаил участвовал в сооружении оборонных укреплений и быстро дошел до полного истощения. Патриарх Кирилл рассказывает о том, как его отец чудом избежал голодной смерти: *«Его привезли в больницу, и врач, проводя беглый осмотр, подумал: перед ним мертвец. Приказал вынести тело в морг. Но морг оказался переполнен, и отца положили в коридоре. А утром медсестра, проходя мимо, случайно откинула простыню и увидела: значок «покойника» сокращается от света. Она закричала диким голосом, и это спасло отца: огласка такого факта – отправить живого человека в морг – в ту пору могла привести к плачевным последствиям. Отца стали питать более усиленно, чем если бы не случилось шума. Он выжил. Но был в таком состоянии, что не мог ни в армии служить, ни на гражданских работах трудиться. Как специалиста его отправили в Нижний Новгород, где он занимался приемкой танков Т-34. До самого Дня Победы был на этом посту».*

В годы войны изменилась политика советского государства по отношению к Церкви. В первый же день войны митрополит Сергей обратился к народу с пламенным призывом стать на защиту отечества и призвал Божие благословение на советское воинство. Патриотическая позиция Церкви не осталась незамеченной, и уже в 1942 году гонения на Церковь начали ослабевать. По ходатайству митрополита Сергея некоторые архиереи были возвращены из ссылок и назначены на кафедры. Состоялись хиротонии новых архиереев. Переломным моментом в судьбе Церкви стала встреча Сталина с митрополитами Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем), состоявшаяся 4 сентября 1943 года по инициативе диктатора. Митрополиты говорили о необходимости созыва Архиерейского собора для избрания Патриарха и Синода, об открытии духовных учебных заведений, об издании церковного журнала, об освобождении архиереев, находившихся в заключении и ссылке. Спустя четыре дня после этой встречи, 8 сентября, в Москве состоялся Архиерейский собор, на котором митрополит Сергей был избран Патриархом. После его кончины в 1944 году на патриаршество был избран митрополит Алексей.

Период с сентября 1943 года вплоть до начала «хрущевских гонений» в конце 1950-х годов был для Русской Православной Церкви временем частичного восстановления того, что было разрушено и уничтожено в годы сталинского террора. Государство оставалось атеистическим, и Церковь продолжала существовать вне общественной жизни. Однако открытые гонения были временно прекращены. На оккупированных немцами территориях возобновляли свою деятельность многие православные приходы, но после того, как Красная Армия изгоняла немцев, эти приходы уже не закрывались.

В послевоенные годы наблюдался численный рост Русской Православной Церкви: на 1 января 1949 года епископат насчитывал 73 архиерея, число действующих храмов достигло 14 477, монастырей – 75, действовали 2 духовные академии и 8 семинарий. Впрочем, начиная с 1948 года храмы стали вновь закрываться, возобновились аресты духовенства.

Изменения в положении Русской Православной Церкви сделали возможным для Михаила Гундяева исполнить свою заветную мечту и стать священником. В 1947 году он написал прошение о рукоположении на имя митрополита Ленинградского Григория (Чукова). Митрополит ответил: «Если вы действительно желаете сменить свою ленинградскую квартиру на проживание на самом отдаленном приходе Ленинградской епархии, в селе Петрова Горка на границе с Псковской областью, то я вас рукоположу. Но на служение в городе Ленинграде не рассчитывайте. Так что идите и советуйтесь с супругой». Михаил посоветовался с Раисой и принял эти условия^{xxiii}.

16 марта 1947 года митрополит Григорий рукоположил его в священный сан, однако назначил не на отдаленный приход, а в храм Смоленской иконы Божией Матери на Васильевском острове. В 1951 году отец Михаил был переведен в Спасо-Преображенский собор, в 1957 году возведен в сан протоиерея, а в 1959-м назначен помощником благочинного. В 1960-м он был переведен в Александро-Невский храм в Красном селе, а в 1970-м назначен настоятелем Серафимовского храма в Ленинграде. В 1972 году протоиерей Михаил Гундяев стал настоятелем Свято-Никольского храма на Большой Охте.

Этот послужной список выглядит вполне благополучным, однако на самом деле служение протоиерея Михаила в годы хрущевских гонений на Церковь было далеко не безоблачным. Частые переводы его с одного прихода на другой объяснялись тактикой властей, которые не хотели, чтобы священник укоренился на одном месте и «обрастал» духовными чадами. Кроме того, власти оказывали мощное финансовое давление на священнослужителей. Патриарх Кирилл вспоминает: *«В то время декларировалось доброжелательное отношение государства к Церкви... Но атеистическая сущность государства не менялась, и идеологическая борьба с религией продолжалась. И одной из форм этой борьбы было материальное притеснение духовенства. В Ленинграде, в частности, против многих священников и целых приходов была развязана целая кампания. В качестве жертв избирались главным образом те священники, которые пользовались популярностью у народа. Им райфо (районный финансовый отдел) предъявлял требование выплатить налог, причем называлась астрономическая сумма, многократно – в 500, в 1000 раз – превышавшая реальные возможности священника и прихода. Во главе тогдашнего горфо (городского финансового отдела) стоял сын священника по фамилии Мансветов. Он считал, что «попов нужно задушить рублем». Он брал любую цифру, что называется, с потолка, и говорил тому или иному священнику: «Ваш годовой доход составляет такую-то сумму, вы должны заплатить налог в размере 51%». И священник был обязан этот 51% от своего мнимого годового дохода заплатить.*

Так вот, – продолжает Патриарх Кирилл, – мой отец был приглашен в райфо, и ему было сказано, что он заработал какие-то фантастические деньги, и поэтому должен выплатить около 120 тысяч рублей налога: по тем временам это была немыслимая сумма. Никакой реальной возможности выплатить эту сумму у отца не было. Были суды, отца приговорили к погашению долга; было описано все наше имущество, и мы практически жили на то, что нам приносили люди: кто-то хлеб, кто-то муку, кто-то селедку, кто-то сахар. С отцом могли бы поступить очень плохо, просто разделаться, если бы он не заплатил эти деньги. И тогда его друзья и знакомые – в том числе ленинградская интеллигенция, некоторые профессора, академики, ученые, кое-кто из духовенства – стали собирать средства, чтобы заплатить этот налог. И они были собраны. Но всю последующую жизнь отец выплачивал долги, а потом и я выплачивал долги отца. Закончили мы расплачиваться только тогда, когда – уже в сане архимандрита – я поехал в Женеву в качестве представителя Московского Патриархата»^{xxiv}.

Сестра Патриарха Кирилла Елена говорит: *«Как мы жили, не понимаю. В детстве я выходила к подъездной двери, а на ручке всегда висела сетка-авоська с продуктами. Их приносили простые прихожане – люди очень скромного достатка. Чаще всего в ней была селедка и булка хлеба»^{xxv}.*

Параллельно со служением на приходах отец Михаил продолжал изучать богословские науки. В 1961 году он окончил Ленинградскую духовную семинарию, а в 1970-м – Ленинградскую духовную академию. В возрасте шестидесяти трех лет он защитил диссертацию и стал кандидатом богословия. Скончался он 13 октября 1974 года в Ленинграде. Спустя десять лет, в 1984 году, умерла его жена.

В семье протоиерея Михаила и Раисы было трое детей: Николай, Владимир и Елена. Все они родились в 1940-е годы, и разница между старшим сыном и младшей дочерью составляла 9 лет. Это была крепкая, дружная и глубоко религиозная семья. *«У меня была замечательная семья, – говорит Патриарх Кирилл. – Я не помню ни одной ссоры между родителями. Мы жили в коммунальной квартире на Васильевском острове. Дверь никогда не закрывалась, всегда люди приходили»^{xxvi}.*

Старший сын протоиерея Михаила, Николай, окончил Ленинградскую духовную семинарию и академию, был оставлен в академии преподавателем, впоследствии стал ее профессором, а в течение года исполнял должность ректора. В настоящее время протоиерей Николай является профессором Санкт-Петербургской духовной академии и настоятелем Спасо-Преображенского собора.

Дочь протоиерея Михаила Елена много лет работала в библиотеке Санкт-Петербургской духовной академии. В настоящее время она возглавляет школу при академии и детскую православную гимназию.

«Я шел в школу, как на Голгофу». Школьные годы будущего Патриарха

Средний сын протоиерея Михаила и Раисы Гундяевых, Владимир, будущий Патриарх Московский и всея Руси, родился 20 ноября 1946 года.

Его детство и юность прошли в городе на Неве – северной столице России. Этот город наложил отпечаток на всю его последующую жизнь, оставив в его душе сильные и яркие воспоминания: *«В этом городе не просто происходило мое становление, но и прошла значительная часть моего церковного служения. Сам по себе город, конечно, совершенно особенный: здесь встретились две культуры, две цивилизации. С одной стороны, это город, построенный западными архитекторами, но с другой – это православный город. То, что величественные православные храмы Петербурга построены в западном стиле, свидетельствует не о слабости наших предков, а о силе русского духа. Мы не боялись в XVIII и XIX веке встречаться с иной культурой, потому что сами были очень сильны. Кстати, непременным условием любого диалога с людьми иной культуры должна быть внутренняя сила того, кто в этот диалог вступает, иначе разговор заканчивается поражением, а может быть, даже и порабощением. Так вот, православный Петербург никогда не переставал быть русской столицей и православным городом, несмотря на то что в нем – в культурном отношении – происходила встреча с Западом. Сочетание верности своим принципам с готовностью к диалогу – это у меня от моего петербургского воспитания»*^{xxvii}.

Однако в 1946 году город на Неве не был ни западным, ни православным, не был он и Петербургом. Это был прежде всего советский город: он носил имя вождя мирового пролетариата, и гнет тоталитарной идеологии ощущался в нем не меньше, чем в других городах Советского Союза. Храмов было немного, и атеистическая пропаганда пронизывала все сегменты общественной жизни, включая систему среднего и высшего образования.

С самого раннего возраста Володя горел желанием служить Церкви: *«Я всегда хотел быть священником: не помню того времени, когда бы я не хотел быть священником. Вскоре после того, как я научился ходить и говорить, я потребовал, чтобы у меня было свое облачение. Одна монахиня, алтарница в храме Смоленской иконы Божией Матери на Смоленском кладбище в Ленинграде (это первый храм, где служил мой отец), сшила мне из части старого протодиаконского ораря епитрахиль, а мама сделала палицу. Какую-то ткань я использовал в качестве фелони – и «служил». К отцу приходило довольно много людей, интересовавшихся Церковью: в основном это была ленинградская интеллигенция. Жили мы тогда очень бедно: помимо совсем маленькой комнатки, где находились книги отца и его письменный стол, у нас была одна 19-метровая жилая комната на Васильевском острове (на пять человек семьи). В этой 19-метровой комнате и прошло мое детство, там я и «служил»*^{xxviii}.

В раннем детстве будущий Патриарх во время богослужения случайно прошел в алтарь через царские врата, а затем таким же путем вышел обратно. После богослужения мама, взяв его за руку, подвела к настоятелю храма со словами: «Батюшка, вот, сыночек вышел из царских врат на солею». Священник посмотрел на мальчика, улыбнулся, замахал руками и сказал: «Архиереем будет»^{xxix}.

В пять лет мальчик заболел пневмонией, и долгое время болезнь не оставляла его. *«Мы жили в послевоенном Ленинграде очень стесненно, практически в одной комнате коммунальной квартиры, где было совсем мало мебели и не было никаких украшений, – рассказывает Патриарх Кирилл. – Лишь на стене висела фотография отца Иоанна Кронштадтского – совсем небольшая, выполненная в цвете. Это была скорее старинная*

литография, где праведный был изображен в малиновой бархатной рясе с отворотами. В детстве я любил рассматривать этот портрет. И вот, когда мне стало совсем плохо, мама дала фотографию батюшки. Я не помню, что говорил и как молился, только помню, что портрет был постоянно со мной. А через несколько дней я был совершенно здоров. И тогда я попросил маму поехать на Карповку. Сначала она меня отговаривала, потому что я был еще слаб, а потом сказала: «Поехали». Мы приехали сюда и у всем хорошо известного окошечка под пристальным взглядом дежурившего рядом милиционера благодарили отца Иоанна Кронштадтского за посетившее нашу семью чудо»^{xxx}.

В возрасте 6 или 7 лет Володя вместе с родителями путешествовал в Псково-Печерский монастырь, где встретился с известным старцем иеросхимонахом Симеоном: «Помню, я страшно боялся этого старца и его кельи, – рассказывает Патриарх Кирилл. – Но вот повели меня к нему, в вырытую в горе келью близ Успенского собора. Войдя в помещение с маленьким окошечком, я увидел выходящего мне навстречу из другой комнаты старичка в светлом подрясничке. Этот человек словно светился... как будто солнце заглянуло в тень. Радостным, веселым, сияющим был старец Симеон, и это теплое воспоминание о встрече с ним я сохраняю до конца своих дней. Тогда я сказал себе, что это, наверное, и есть святой человек. Христианство – это вечная радость... неоскудевающее радование о Господе и мире Божиим»^{xxx1}.

В 7-летнем возрасте Володя поступил в школу. Все дети по достижении 10-летнего возраста обязаны были вступить в пионерскую организацию – детский вариант коммунистической партии. В 14 лет вступали в комсомол – коммунистическую партию для юношества. Пионеры носили красный галстук, а комсомольцы – значок с портретом Ленина. Портреты Ленина (а до 1956 года – и Сталина) висели в каждом учебном классе, и цитатами из их произведений начинался каждый школьный учебник.

Дети из верующих семей в советской школе были изгоями. Патриарх вспоминает: «Я довольно много страдал в школьные годы, потому что не вступал в пионеры и комсомол. И при этом я был одним из лучших учеников. Поэтому обо мне газеты стали писать не в 90-е годы, а в 60-е, но писали критически. Вот есть такой мальчик, учится на «пятерки», а не пионер и не комсомолец, к тому же верующий. Трудное было время. Я шел в школу, как на Голгофу. Очень часто меня вызывали на педсоветы, на диспуты с преподавателями и учениками, и я всегда побеждал, потому что в советское время наши учителя к таким диспутам были не готовы, а я старался быть готовым»^{xxxii}.

Рассказывает Тамара Малкова, школьная учительница Володи Гундяева по биологии: «Изучали теорию Дарвина. И дети стали кричать: пусть, мол, Гундяев о происхождении жизни расскажет. Видимо, на переменках они уже спорили. Ведь Гундяевы не скрывали, что они верующие. Даже в пионеры не вступали и в комсомол. И я помню, как была поражена его не по возрасту мудрым ответом. Он абсолютно правильно изложил материал по школьной программе и тут же добавил от себя религиозный взгляд, подчеркивая, что никому ничего не хочет навязывать. Говорил, что каждый должен сам определиться со своими взглядами на эту тему»^{xxxiii}.

Твердость, с которой Володя отстаивал свои убеждения, была следствием воспитания, полученного им в семье. Зная об исповедническом пути отца и деда, он готов был повторить этот путь. «Я учился – и неплохо – в передовой школе, – рассказывает Патриарх Кирилл. – По всем статьям должен был стать пионером. Но не считал это возможным. Помню, меня пригласила для разговора директор школы. А я сказал ей: «Если Вы согласны с тем, чтобы я в пионерском галстуке ходил в Церковь, то готов его повязать». Она, конечно, ответила: «Нет». Можно себе представить ситуацию – тысяча детей в школе, и один мальчик без галстука. Я все время находился в состоянии... готовности ответить – почему этого не сделал. Отец мой был исповедником... И я в детстве тоже находился в таком убеждении, что и мне придется сидеть за веру. Я

никогда не был пионером, никогда не вступал в комсомол... не стал и диссидентом. Я люблю свою страну, свой народ»^{xxxiv}.

Несмотря на постоянное давление со стороны учителей и одноклассников, Володя учился успешно и был одним из лучших учеников класса. В юности он много читал, в том числе религиозно-философскую литературу: *«Отец наш был книголюбом. Мы жили очень скромно, в коммунальной квартире, но папа сумел собрать прекрасную библиотеку. Она насчитывала более трех тысяч томов. В юности я прочитал то, что большинству наших сограждан стало доступным только уже в период перестройки и в советское время. И Бердяева, и Булгакова, и Франка, и другие замечательные творения нашей русской религиозной и философской мысли начала XX века. И даже парижские издания»^{xxxv}.*

После 8-го класса Володя ушел из родительского дома и поступил на работу в Ленинградскую комплексную геологическую экспедицию Северо-Западного геологического управления. О мотивах, заставивших его принять это решение, Патриарх Кирилл говорит: *«Уже в 15 лет у меня были четкие убеждения и представление о будущем. В этом возрасте я ушел из дома и стал жить самостоятельно. Но ушел не потому, что было что-то не так. Я не мог, чтобы родители все время заботились обо мне материально. Испросив у них благословение, я поступил работать в Ленинградскую комплексную геологическую экспедицию. Одновременно продолжал учиться в вечерней школе. На работе я оказался в среде глубоко верующих людей. Это была петербургская интеллигенция, давшая мне достаточно много. Эти люди приучили меня к серьезной музыке. Мы часто ходили в Мариинский театр, в филармонию. Общение с ними усилило мой интерес к поэзии и к художественной литературе»^{xxxvi}.*

В геологической экспедиции Владимир проработал с 1962 по 1965 год, одновременно обучаясь в вечерней школе. После окончания школы хотел поступить на физический факультет Ленинградского университета, так как в годы учебы у него началось увлечение точными науками, особенно физикой и химией. Желание быть священником не оставляло Владимира, но *«идея была такая – вначале получить высшее светское образование, какие-то навыки научной работы, а потом уже поступить в духовную семинарию»^{xxxvii}.*

Однако старший брат, к тому времени уже учившийся в духовной семинарии, порекомендовал Владимиру посоветоваться о своем будущем с митрополитом Никодимом (Ротовым). Пойти на прием к человеку, который был митрополитом Ленинградским и фактически вторым лицом в Церкви, казалось немислимым для вчерашнего школьника. Вспоминает Патриарх Кирилл: *«Накануне встречи не мог уснуть, так волновался. Из дома вышел задолго до назначенного часа. Ехал до Лавры на троллейбусе и с каждой остановкой волнение усиливалось. С трепетом вошел в кабинет владыки, но он встретил меня так задушевно, что от робости не осталось и следа. Выслушав меня, он сказал: «Знаешь, Володя, ученых в нашей стране очень много, если их поставить друг за другом, то цепочка дотянется до Москвы, а вот священников мало. Кроме того, неизвестно, удастся ли нам принять тебя в семинарию после института. Так что поступай-ка ты сразу в семинарию»^{xxxviii}.*

**«Такие люди рождаются... раз в сто лет...»
Митрополит Никодим (Ротов)**

Встреча с митрополитом Никодимом предопределила всю жизнь будущего Патриарха. Книга о Патриархе Кирилле была бы неполной без отдельной главы, посвященной человеку, которого Патриарх считает своим учителем и который оказал решающее влияние на формирование его личности и мировоззрения. *«Такие люди рождаются, может быть, раз в сто лет, а может быть, даже и реже, – говорит Патриарх Кирилл. – Я митрополита Никодима ставлю на одну доску с самыми выдающимися представителями русской иерархии на протяжении всей истории. Например, на одну доску с Петром Могилкой, митрополитом Киевским, митрополитом Филаретом Дроздовым»^{xxxix}.*

Митрополит Никодим (в миру Борис Георгиевич Ротов) родился в 1929 году в семье рабочего. В 17-летнем возрасте был рукоположен в сан диакона и пострижен в монашество архиепископом Ярославским и Ростовским Димитрием (Градусовым). В возрасте 20 лет стал иеромонахом и был назначен священником в деревенский приход села Давыдова Толбухинского района. В январе 1952 года 22-летний иеромонах становится клириком кафедрального собора в Ярославле и секретарем архиепископа Ярославского и Ростовского, а в декабре – исполняющим обязанности настоятеля собора. В 1955 году заочно заканчивает Ленинградскую духовную академию.

В феврале 1956 года иеромонах Никодим назначен членом Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, где вскоре стал заместителем начальника, а затем и начальником Миссии. 31 марта 1957 года он возведен в сан игумена, а 25 сентября того же года в сан архимандрита. В 1959 году назначен заведующим канцелярией Московской Патриархии, а с 4 июня – заместителем председателя Отдела внешних церковных сношений.

Созданный в 1946 году ОВЦС представлял собой церковное учреждение, отвечавшее за всю сферу связей Русской Православной Церкви с внешним миром. Прежде всего, ОВЦС курировал контакты с зарубежным духовенством, а также с представителями инославных Церквей и других религий. В сферу компетенции Отдела входили также контакты с государственными органами. С момента его создания ОВЦС возглавлял митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич), известный проповедник, один из наиболее уважаемых и авторитетных иерархов Русской Церкви.

Вступление архимандрита Никодима на поприще внешних церковных сношений совпало по времени с началом очередного витка гонений на религию. В 1958 году лидер Коммунистической партии СССР Никита Хрущев инициировал кампанию против Церкви, пообещав за двадцать лет построить коммунизм, а в 1980 году показать по телевизору «последнего попа». В соответствии с новой установкой на искоренение религии возобновилось массовое закрытие храмов и монастырей, была значительно усилена антирелигиозная пропаганда. В период между 1961 и 1964 годами 1234 человека были осуждены за веру и приговорены к тюремному заключению или ссылке. К 1966 году у Русской Православной Церкви осталось 7523 храма, 16 монастырей, 2 духовных академии и 3 семинарии^{xl}. Число храмов и клириков по сравнению с 1948 годом сократилось вдвое. При этом храмы распределялись по территории страны неравномерно: в областях, не входивших в состав СССР до 1939 года, их было значительно больше, чем в других местах. В некоторых городах с населением в несколько сот тысяч человек могли действовать лишь один или два храма.

Хрущевское гонение характеризовалось не столько открытыми репрессиями против духовенства, сколько мощным идеологическим давлением со стороны властей,

стремившихся подорвать потенциал Церкви, разрушить ее изнутри и дискредитировать в глазах народа. С этой целью органы госбезопасности начали предлагать священникам отречение от Бога и вступление на стезю пропаганды «научного атеизма». Для этой неблагородной миссии подыскивали, как правило, тех священнослужителей, которые или состояли под запрещением, или имели канонические нарушения, или находились «на крючке» у властей и боялись репрессий.

5 декабря 1959 года газета «Правда» опубликовала статью, в которой от Бога и Церкви отрекался бывший протоиерей и профессор Ленинградской духовной академии Александр Осипов. Ранее он был запрещен в священнослужении за второй брак, однако продолжал преподавание. Утром того дня, когда текст отречения был сдан в «Правду», Осипов еще читал лекции в академии. Отречение выглядело внезапным и неожиданным, однако на самом деле, как показывают недавние исследования^{xli}, Осипов на протяжении многих лет был сексотом и писал доносы в КГБ на своих собратьев-священнослужителей. Его отречение тщательно и долго готовилось сотрудниками госбезопасности. Став атеистом, Осипов обратил свой проповеднический дар на обличение «религиозных предрассудков»: в течение семи лет он прочитал до тысячи лекций в 42 областях и республиках СССР, более трехсот раз выступал по радио, издал 35 книг и брошюр, написал более трехсот статей и очерков^{xlii}. Умирал он мучительно и долго, но и на смертном одре не устал заявлять о своем атеизме: «У «боженек» милостей выпрашивать не собираюсь»^{xliii}.

Отречение Осипова и нескольких других священников больно ударило по Церкви, которая, впрочем, не побоялась принять постановление о лишении ренегатов священного сана и об отлучении их от церковного общения. Более того, руководство Церкви предприняло попытку воспротивиться новой волне нападков на христианство. 16 февраля 1960 года, выступая в Московском Кремле на конференции советской общественности за разоружение, Патриарх Московский и всея Руси Алексий заявил: *«Моими устами говорит с вами Русская Православная Церковь, объединяющая миллионы православных христиан – граждан нашего государства... Это есть та самая Церковь, которая на заре русской государственности содействовала устройению гражданского порядка на Руси... Это та самая Церковь, которая создала замечательные памятники, обогатившие русскую культуру и донныне являющиеся национальной гордостью нашего народа. Это та самая Церковь, которая в период удельного раздробления русской земли помогла объединению Руси в одно целое... Это та самая Церковь, которая в тяжкие времена татарского ига умиротворяла ордынских ханов, ограждая русский народ от новых набегов и разорений... Это она служила русскому государству в борьбе против иноземных захватчиков в годы смутного времени и в Отечественную войну 1812 года. И она же оставалась вместе с русским народом во время последней мировой войны, всеми мерами способствуя нашей победе и достижению мира. Словом, это та самая Русская Православная Церковь, которая на протяжении веков служила прежде всего нравственному становлению нашего народа, а в прошлом и его государственному устройству... Правда, несмотря на все это, Церковь Христова, полагающая своей целью благо людям, от людей же испытывает нападки и порицания, и тем не менее она выполняет свой долг, призывая людей к миру и любви. Кроме того, в таком положении Церкви есть и много утешительного для верных ее членов, ибо что могут значить все усилия человеческого разума против Христианства, если двухтысячелетняя история его говорит сама за себя, если все враждебные против него выпады предвидел Сам Христос и дал обетование непоколебимости Церкви, сказав, что и врата адовы не одолеют Церкви Его!»*^{xliv}.

Речь Патриарха прозвучала как гром среди ясного неба. Открыто заговорить о нападках на Церковь в присутствии представителей государственного руководства и общественности – этого не позволял себе никто из официальных церковных деятелей со времен Патриарха Тихона. По воспоминаниям митрополита Николая (Ярушевича), после

речи Патриарха «в зале раздались два-три жидких хлопка, а вслед за тем поднялись один за другим представители «общественности» и начали громить Патриарха: «Вы хотите нас уверить, что вся русская культура создана Церковью, что мы ей всем обязаны, но это неправда...» Произошел целый скандал»^{xlv}.

Виновником скандала и «козлом отпущения» был объявлен митрополит Николай: он взял на себя ответственность за составление текста речи Патриарха. 21 июня 1960 года он ушел в отставку с поста председателя Отдела внешних церковных связей, а в сентябре того же года был уволен на покой. Спустя год он умер в больнице при невыясненных обстоятельствах.

Председателем ОВЦС на место митрополита Николая был назначен его заместитель – 30-летний архимандрит Никодим (Ротов). 10 июля того же года архимандрит Никодим был рукоположен во епископа Подольского, викария Московской епархии, а 23 ноября переведен на Ярославскую кафедру. 16 марта 1961 года преосвященный Никодим становится постоянным членом Священного синода. 10 июня возведен в сан архиепископа. 4 августа 1963 года назначен митрополитом Минским и Белорусским, а 9 октября – митрополитом Ленинградским и Ладужским.

Столь стремительный «карьерный взлет» Никодима, в 33-летнем возрасте возглавившего крупнейшую митрополию, не мог произойти без поддержки властей. Но почему атеистическая власть сделала ставку на молодого и динамичного архиерея, предпочтя его другим возможным кандидатам? Очевидно, властям импонировала лояльность, которую Никодим демонстрировал по отношению к ним. Выходец из рабочей семьи, не связанный в силу своего возраста с дореволюционным прошлым Церкви, он, вероятно, олицетворял в глазах носителей светской власти то новое поколение священнослужителей, с которым, как казалось, легче будет работать.

Будучи постоянным членом Синода и председателем Отдела внешних церковных сношений, митрополит Никодим при престарелом Патриархе Алексии I в значительной степени определял внутреннюю и внешнюю политику Церкви. Прежде всего, он сумел убедить власти в необходимости подключить Церковь к «миротворческой деятельности» на международной арене. Зарубежные поездки иерархов использовались властями для распространения информации о том, что «в СССР гонений на религию нет». В своих многочисленных интервью зарубежным средствам массовой информации митрополит был вынужден отрицать гонения на Церковь, за что регулярно подвергался нападкам. Почетный профессор Эрлангенского университета Фэри фон Лиленфельд вспоминает о том, как в один из приездов митрополита Никодима в Западную Германию митрополит Никодим пригласил ее в свой номер и сказал: «Я не могу поделиться этим со всеми, но скажу хотя бы вам. Мне очень тяжело на Западе. Меня все время спрашивают: есть ли гонения на Церковь в России? Если я скажу, что да, я нанесу своей Церкви непоправимый вред, а если скажу нет, меня назовут ставленником КГБ»^{xlvi}.

Внутри же страны митрополит Никодим подвергался критике за слишком тесное, с точки зрения его противников, сотрудничество с властью. За это же его критиковали представители зарубежного духовенства, обвинявшие его в соглашательстве с властями. Однако митрополит твердо сознавал, что тактический альянс с властями – единственная возможность сохранить Церковь, ее клир и епископат, от постепенного вымирания. И он пошел на этот альянс ради спасения Церкви.

В начале 60-х годов в епископате происходила смена поколений: многие архиереи старого поставления уходили в мир иной, и надо было искать им замену, а власти препятствовали рукоположению в епископский сан молодых образованных клириков. Митрополит Никодим сумел переломить эту ситуацию и добиться разрешения на рукоположение молодых епископов. Он убеждал власти, что для достойного представления Церкви на международной арене нужны молодые талантливые «кадры» в архиерейском сане, потом эти «кадры» отправлялись на несколько лет за границу, но затем они возвращались на родину и занимали вакантные кафедры. Таким способом

митрополиту Никодиму удалось сохранить и обновить епископат Церкви в ту эпоху, когда власти предпочитали закрывать вакантные кафедры или держать на них архиереев преклонного возраста, неспособных противостоять давлению воинствующего атеизма.

Вспоминает митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий: *«Государство тогда пошло на активное использование Церкви в своей внешней политике. Митрополит Никодим, исходя из своих глубоких патриотических убеждений, был активно в это вовлечен. И в то же время он убедительно ставил вопрос перед властями, что для участия в миротворческом служении нужны молодые, образованные священнослужители. В тех условиях это была единственная «кузница» таких кадров в Русской Православной Церкви. В результате создано своего рода мощное ядро в нашей Церкви, состоящее из епископов, клириков и мирян, богословски образованных и мыслящих, способных к творческому диалогу внутриправославному и общехристианскому, а также к диалогу с современным миром. Советское государство желало от Церкви только политической пользы, но благодаря напряженным усилиям и творческой мысли митрополита Никодима постепенно возростала внутренняя сила Церкви. Можно сказать, что он за сравнительно короткий срок вывел Русскую Православную Церковь из внутренней и внешней изоляции»^{xlvii}.*

Рассказывает Патриарх Кирилл: *«Важнейшим достижением великого святителя в его упорном сопротивлении всевластию духов злобы поднебесной и земной стало целенаправленное осуществление программы обновления епископата Церкви, в то время крайне малочисленного, достигшего преклонных лет и к тому же стремительно сокращавшегося в силу естественных и печальных причин. Апеллируя к необходимости воспитания молодых кадров для более эффективного участия Русской Церкви в международных миротворческих инициативах и в экуменическом движении, владыка митрополит добился от светских властей согласия на епископские хиротонии для большой группы своих ставленников и постриженников. Подобно полководцу, решающему большую стратегическую задачу, митрополит Никодим вводил свежие силы из своего личного резерва в духовную битву за будущее Церкви, а значит, и России. Сегодня эти люди, его воспитанники, духовные чада и младшие сподвижники, составляют активное и концептуально мыслящее ядро епископата нашей Церкви»^{xlviii}.*

Как подчеркивает Патриарх, задачи, стоявшие перед митрополитом Никодимом, были особенно сложными, но он с честью выполнил их: *«Верно служить своей стране, чей исконный духовный облик был до неузнаваемости и, казалось, навеки искажен господствовавшей большевистской идеологией и жестокой тоталитарной системой подавления, при этом всеми силами и средствами спасая от окончательного уничтожения русское Православие, – одновременное решение этих двух по видимости взаимоисключающих задач представлялось бы невозможным для любого менее выдающегося ума и чуткого сердца. Тем не менее владыка Никодим нашел собственное и оказавшееся единственно возможным решение этой квадратуры круга, и поэтому его имя будет навсегда вписано в историю Церкви, а значит, в историю России»^{xlix}.*

Героическую борьбу за Церковь, которую вел митрополит Никодим, Патриарх сравнивает с восточным единоборством, в котором *«победа достигается исключительно путем обращения против нападающего его собственной силы, с которой он пытается воздействовать на своего противника, так что чем могущественнее соперник, тем вернее он будет повержен тем, кто владеет этой тонкой техникой. В перспективе нашей новейшей истории митрополит Никодим одолевал богоборческого Голиафа именно таким образом, сумев вывести подневольную и, казалось, уже приговоренную Церковь за пределы неласковой советской Родины – на широкий международный простор миротворческой и экуменической деятельности. Ибо в том же самом – разумеется, в собственных пропагандистских видах – на тот момент оказалось заинтересовано и советское государство. И поскольку налаживать межцерковный диалог, запретив при этом саму Церковь, было решительно невозможно, расправу над нею власти почли*

целесообразным отложить до худших для Православия времен. Но эти времена, к счастью, уже не наступили»ⁱ.

По словам Патриарха, «в невидимой брани митрополита Никодима судьбоносный стратегический успех порой добывался ценой тактических компромиссов, требовал соблюдения не Церковью придуманных правил игры и постоянного упражнения в искусстве возможного»ⁱⁱ. Митрополит сумел выработать такую модель государственно-церковных отношений, которая обеспечила Церкви не только выживание, но даже спокойное поступательное развитие в эпоху гонений. В создании этой модели и в выходе Церкви на международную арену можно усмотреть тактическую победу властей, которые могли считать, что они полностью подчинили себе Церковь и получили над ней окончательный контроль. Но стратегическая победа была на стороне Церкви, ибо ее международная деятельность была одним из наиболее существенных факторов, предотвративших ее полное разрушение, намеченное, но так и не осуществленное хрущевским правительством.

Митрополит Никодим выстроил вокруг Русской Православной Церкви мощную систему обороны. Фортификационными сооружениями служили внешние связи Церкви, использовавшиеся для того, чтобы защитить ее от внутренних притеснений. Известно немало случаев, когда при угрозе закрытия того или иного монастыря, храма или духовной школы митрополит Никодим в спешном порядке приглашал туда высокопоставленную церковную делегацию из-за рубежа, после чего закрытие откладывалось или отменялось. Для предотвращения надругательства над священнослужителями во время пасхального крестного хода (что было обычным делом) митрополит Никодим стал приглашать на пасхальные богослужения иностранные делегации.

«Ночное пасхальное богослужение 1965 года врезалось в память многих ленинградцев, – рассказывает Патриарх Кирилл. – Во время крестного хода произошли страшные беспорядки, учиненные подвыпившей молодежью, безусловно заранее спланированные властями: ну никак не хотели они, чтобы влияние Церкви выходило за пределы храма. В ответ на протест митрополита уполномоченный сказал, что контролировать действия молодежи власти не могут. И вот на следующий год он приглашает на Пасху делегацию Финской лютеранской Церкви во главе с архиепископом. Почему лютеранской? Да потому, что эта Церковь в Финляндии – государственная. И глава ее в пятерке высших государственных чинов. Я хорошо помню то пасхальное богослужение: наряды милиции внимательно наблюдали за порядком, и духовенство спокойно и торжественно совершало крестный ход»ⁱⁱⁱ.

Митрополит Никодим активно поддерживал идею вступления Русской Православной Церкви во Всемирный совет Церквей*. Когда ВСЦ был создан (а это произошло в 1946 году), Русская Православная Церковь поначалу негативно оценила его деятельность. Это проявилось во время межправославной конференции 1948 года, когда Русская Церковь и ряд других Поместных Православных Церквей приняли решение не участвовать в так называемом «экуменическом движении». Однако отношение Русской Церкви к ВСЦ стало меняться во второй половине 1950-х годов. В 1959 и 1960 годах велись переговоры между митрополитом Николаем (Ярушевичем) и генеральным секретарем А. Виссерт-Хуфтом. По результатам этих переговоров Священный синод в 1961 году принял решение о вступлении Русской Православной Церкви во Всемирный совет Церквей.

Вступление в ВСЦ было важной стратегической инициативой Церкви в период хрущевских гонений. ВСЦ играл не последнюю роль в защите Русской Церкви от притеснений. Вспоминает протопресвитер Виталий Боровой: «*Экуменическая*

---

* Всемирный совет Церквей (The World Council of Churches) — международная организация. Основан в 1948 в Амстердаме для того, чтобы способствовать восстановлению единства христиан. В ВСЦ входит 348 христианских Церквей из более 100 стран. Штаб-квартира Совета расположена в Женеве (Швейцария).

деятельность нашей Церкви проводилась и проходила в те годы под постоянным внешним контролем со стороны советского государства... Многие не понимали подлинных целей и характера такого участия Русской Церкви в экуменическом движении, считая, что она выполняет там лишь указания советского правительства. А между тем действительность была иная и более сложная, чем это казалось западным критикам со стороны и чем это могло казаться самому советскому руководству изнутри. Церкви действительно приходилось идти на компромиссы и уступки в политических и общественных вопросах, но никогда и ни в чем – в вопросах веры, догматического учения и верности Христу и Евангелию. Свидетельство этому – вся мартирология Церкви и ее молчаливое исповедничество внутренних истин Православия, которые Церковь берегла и сохранила. Всегда здесь наличествовала напряженность между политическим давлением и подлинными церковными интересами и соображениями и пользы самой Церкви, ее страждущего народа, чтобы выстоять под разрушительным давлением тоталитарной системы, контролирующей всю страну, всех и вся, в том числе и Церковь»^{liii}.

Вспоминает Патриарх Кирилл: «Это был очень трудный период. С одной стороны, советскому государству необходима была внешняя церковная деятельность, потому что косвенным образом она свидетельствовала о наличии религиозной свободы в стране. Логика простая – если есть священники за границей, значит есть религиозная жизнь, если есть религиозная жизнь, значит, обвинения в притеснениях несправедливы. То есть с пропагандистской точки зрения для правительства было выгодно, чтобы Церковь имела возможность осуществлять внешние сношения. Но с идеологической точки зрения это было совершенно не выгодно, потому что за границу выезжали реальные священники, а не подставные лица, настоящие, а не переодетые богословы. Они устанавливали взаимоотношения с коллегами, и те узнавали об их проблемах, а значит, всемирная христианская общественность узнавала и о проблемах Русской Церкви. Такие контакты обеспечивали систему поддержки Русской Православной Церкви. Наша внешняя церковная деятельность в те годы была подобна поплавку, который удерживал всю Церковь на поверхности, потому что Церковь легко было потопить в условиях изоляции от мира при отсутствии информации о процессах, которые происходят в стране. Но коль скоро представители Церкви имели широчайший круг общения за границей, то просто так ликвидировать Церковь было уже невозможно... И я думаю, что во многом гонения, развязанные Хрущевым, оказались неэффективными и в конце концов захлебнулись именно потому, что существовала достаточно широкая международная поддержка Русской Церкви, которая в то время была, может быть, решающим фактором, остановившим гонителей»^{liv}.

Межцерковный диалог имел целью, разумеется, не только защиту Русской Церкви от гонений. Идея диалога с христианами других конфессий была близка митрополиту Никодиму, видевшему в нем исполнение заповеди Христа о единстве. «Что же заставило Русскую Православную Церковь пойти на вступление во Всемирный совет Церквей? – спрашивал митрополит Никодим. – Отвечаю на это: во-первых, любовь к братьям, ощутившим пагубность христианских разделений и заявляющих о своем желании устранить те препятствия, которые не позволяют исполниться желанию нашего Господа Иисуса Христа «да будут все едино» (Ин 17:21); во-вторых, понимание важности объединения усилий всех христиан в деле их свидетельства и служения людям в сложных условиях секуляризованного, подверженного быстрым изменениям и разделенного, но устремляющегося к единству современного мира»^{lv}.

Присутствие Русской Церкви на межцерковной арене имело важное миссионерское значение. Термин «миссия» в официальном церковном языке не употреблялся, так как миссионерская деятельность была в СССР запрещена. Употреблялось более традиционно церковное и в то же время нейтральное с точки зрения советских властей слово «свидетельство». Это свидетельство о православии перед лицом инославного мира стало

важнейшей составляющей внешней церковной политики именно при митрополите Никодиме.

Благодаря ему значительно активизировался диалог с Римско-католической Церковью. Он был инициатором направления официальной церковной делегации на Второй Ватиканский собор. *«Митрополит был последовательным сторонником того, чтобы Русская Церковь направила своих наблюдателей, – рассказывает Патриарх Кирилл. – Он считал это историческим событием, важным не только для католического мира, но и для православного мира. Он полагал, что мы должны использовать саму возможность для установления личных отношений с епископатом Католической Церкви, с представлением позиции Русской Православной Церкви. Потому что, как и сейчас, не везде на Западе существует объективная картина того, что есть Русская Церковь, тем более в то самое советское время представители Русской Православной Церкви часто воспринимались как коммунистические агитаторы, которых пропагандистский, идеологический отдел ЦК КПСС отправлял для дезинформации мировой общественности. И вот важно, чтобы отцы Собора увидели наших представителей и услышали их. И, конечно, здесь очень большую роль сыграл профессор протопресвитер Виталий Боровой, который, на мой взгляд, прекрасно представлял Русскую Православную Церковь, снял очень много вопросов, содействовал развитию реального интереса и доверия к миссии официальных представителей Русской Православной Церкви. Ну и наконец, на закрытие Собора в Ватикан приехал сам митрополит Никодим, который, я думаю, очень закрепил это мнение. Использовал этот факт приезда для того, чтобы начать проговаривать саму идею диалога между Русской и Римско-католической Церквами по социальной доктрине, что тоже было невероятно новым, таким новаторским и даже в каком-то смысле слова странным. О какой социальной доктрине Русской Церкви могла идти речь в советское время? Но для митрополита было важно начать эту дискуссию, которая могла помочь Русской Православной Церкви применять некие богословские критерии к оценке происходящего в своем собственном обществе... Это было, конечно, предвидение, и сам факт того, что была предложена именно такая тема для диалога, свидетельствует об этих незаурядных способностях митрополита предвидеть и предвосхищать будущее»^{lvi}.*

Некоторые «ревнители не по разуму» называли митрополита Никодима «тайным кардиналом», обвиняя в чрезмерных симпатиях к католицизму и в том, что он готовит новую унию. На эти обвинения Патриарх Кирилл отвечает так: *«Он был человеком Церкви – и, значит, он был человеком мира, в исконном католическом понимании слова. Подобно Мартину Лютеру Кингу, он мог бы сказать: «У меня есть мечта». Его мечтой было могучее единство всех последователей Христа, воссоединение христианской ойкумены современного мира на основе Писания и Предания древней неразделенной Церкви апостольского века. И не его вина, что этот великий идеал остается недостижимым в помраченном грехом и разделившемся в себе человеческом сообществе»^{lvii}.*

Отвечая на вопрос о симпатиях Владыки Никодима к католицизму, архиепископ Новгородский Лев (Церпицкий), который был секретарем митрополита Никодима в последние годы его жизни и тоже неоднократно сопровождал его в Рим, подчеркивает: *«Митрополит Никодим всегда называл себя реалистом и никогда не руководствовался в делах церковной политики симпатиями. Римско-католическая Церковь – это ведь не какое-то случайное религиозное образование. Она имеет двухтысячелетнюю историю и сотни миллионов последователей в мире. Она... во многом формирует облик западного человека и западного общества... Кроме того, жить рядом в этом хрупком мире, исповедовать Христа распятого и воскресшего Богом и Спасителем и при этом не искать взаимопонимания, не учиться жить вместе в мире и любви, по-моему, противоестественно для христианина. И, зная Владыку, я могу свидетельствовать: что бы он ни делал, он прежде всего всегда думал о благе Русской Православной Церкви»^{lviii}.*

Одним из приоритетных направлений внешнецерковной деятельности митрополит Никодим считал диалог с Восточными Православными (дохалкидонскими) Церквами^{*}. Главы и представители этих Церквей неоднократно были гостями Московского Патриархата, и сам митрополит много раз посещал эти Церкви. В диалоге с дохалкидонскими Церквами митрополит Никодим не ставил целью добиться присоединения этих Церквей к Православию через покаяние и отказ от собственных вероучительных традиций. *«Митрополит Никодим был всегда христианским реалистом и в силу этого реализма сознавал, что восстановление единства христиан в единстве веры нельзя себе представлять исключительно как «присоединение», – вспоминает брат Патриарха Кирилла протоиерей Николай Гундяев. – В ряде случаев воссоединение может скорее явиться результатом взаимного опознания друг друга в качестве православных по существу. Нечто подобное можно видеть в диалоге между Православными и дохалкидонскими Церквами в их современном состоянии, где обнаружилась весьма большая общность, скорее даже, тождественность в понимании ими христологической доктрины, изложенной разными языками, людьми разной психологии»^{lix}.*

Митрополит Никодим с уважением относился к старообрядчеству и был инициатором отмены клятв московских Соборов 1656 и 1667 годов на старые обряды. Это событие совершилось на Поместном соборе Русской Православной Церкви 1971 года и положило начало диалогу со старообрядчеством, продолжающемуся по сей день.

Заслугой митрополита является восстановление монашеской жизни в русских обителях святой горы Афон. Впервые он посетил Афон в начале 1959 года, в бытность свою архимандритом и начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. По возвращении в Москву он представил Патриарху Алексию I подробный доклад с предложениями по укреплению Пантелеимонова монастыря, находившегося на грани закрытия (в монастыре оставалось лишь несколько престарелых иноков). В 1962 году Никодим, уже будучи архиепископом Ярославским и Ростовским, вторично посетил Афон, после чего в памятной записке рекомендовал «безотлагательно осуществить подбор монахов, как минимум десять человек, с целью пополнения русского монастыря и скитов». В течение нескольких последующих лет Московский Патриархат вел интенсивные переговоры с Константинополем относительно возможности направления на Афон русских монахов. Наконец, в 1966 году, после длительного ожидания, в Свято-Пантелеимонов монастырь были направлены четыре инока. В феврале 1970 года на Афон смогли выехать еще два инока, после чего направление русских иноков на Афон приобрело некоторую регулярность. Осуществлялось оно через ОВЦС. В 60-е и 70-е годы основным действующим лицом в переговорах с Константинополем и правительством Греции о судьбе русского монашества на Афоне оставался председатель ОВЦС митрополит Никодим.

Митрополит Никодим уделял особое внимание духовному образованию и воспитанию юношества. Он принимал деятельное участие в судьбе Ленинградских духовных школ, лично знал всех преподавателей и студентов. Вспоминает архиепископ Лев: *«В начале учебного года митрополит обязательно встречался с поступившими и вручал каждому экземпляр ценного тогда брюссельского издания Нового Завета. В процессе обучения каждый воспитанник семинарии и академии имел возможность не единожды лично пообщаться с митрополитом. Каждого он знал по имени, по фамилии, знал его домашние проблемы. Уже тогда владыка был болен, ему предписано было совершать пешие прогулки, и на эти прогулки приглашались или конкретные лица, или же те, кто попался навстречу: «Пойдем, брат, погуляем». Эти прогулки многим*

---

^{*} Дохалкидонские Церкви (древневосточные, Восточно-Православные или ориентальные) — христианские Церкви, не принявшие IV Вселенский собор (Халкидонский). К дохалкидонским Церквам относятся: Армянская апостольская Церковь, Коптская Православная Церковь, Эфиопская (Абиссинская) Православная Церковь, Сиро-Яковитская Православная Церковь, Маланкарская Православная Церковь. Особняком стоит Ассирийская Церковь Востока, не признающая III Вселенский собор (Ефесский).

запомнились, ибо они оказались для многих ориентиром в их самостоятельном уже служении. Поэтому желающих пообщаться всегда было много»^{lx}.

Необходимость беседовать с посетителями на прогулках была вызвана не только желанием митрополита Никодима подышать свежим воздухом. Митрополит выходил на улицу прежде всего для того, чтобы хотя бы на время ускользнуть от прослушивающих устройств, которыми были напичканы его рабочие кабинеты, будь то в Ленинградской митрополии или в ОВЦС. Советская власть «доверяла» митрополиту, но «проверяла» его, и он находился под ежедневным неусыпным контролем властей. С годами уровень доверия к митрополиту Никодиму со стороны властей падал, а подозрительность росла. Государственное руководство поняло, хотя и не сразу, что деятельность митрополита направлена на усиление Церкви, в то время как ставилась задача ее максимального ослабления.

Митрополит Никодим очень любил богослужение, с юности знал наизусть многие литургические тексты и мог воспроизвести по памяти весь церковный календарь, безошибочно называя имена святых, память которых совершалась в тот или иной день. Богослужения он совершал величественно и неспешно: *«Владыка оставался внутренне свободным и духовно сильным человеком благодаря всемерной и глубочайшей вере в Господа. Эта духовная сила особенно ярко проявлялась в совершаемых им богослужениях. Он говорил: «Сочетание с Богом, освящение свыше от Бога, благодатное пребывание в Боге – это живая реальность, полная духовного утешения и внутренней радости, которая наполняет всю жизнь человека и движет ею». Для богослужения он всегда находил время, несмотря на свою перегруженность. Совершаемое им богослужение носило особый, присущий ему характер и отпечаток. Он любил повторять: «Я все могу быстро делать, кроме службы». И действительно, когда он появлялся в храме, он как бы преображался и делал все медленно, величественно, глубоко любя церковное благолепие. Так совершал он богослужение и в соборах, и в сельских храмах. Особое отношение у митрополита Никодима было к Божественной литургии как главнейшему христианскому служению»^{lxi}.*

Божественную литургию митрополит Никодим совершал каждый день. Даже находясь в зарубежных поездках, он начинал день со служения литургии. Если не было поблизости храма, литургия совершалась в келье, в гостиничном номере, под открытым небом. У митрополита всегда был при себе омофор и все необходимое для служения литургии^{lxii}. Вспоминает Патриарх Кирилл: *«Человек жил такой глубокой литургической, такой подвижнической жизнью... Будучи уже совсем больным, владыка Никодим не мог стоять перед престолом. Но молитву не оставлял. И мы принесли престол к нему в келью. Учиненный им иеромонах каждый день совершал литургию, и владыка причащался»^{lxiii}.*

Посещая древние монастыри, находившиеся в запустении, митрополит Никодим, несмотря на строжайший запрет властей, считал своим долгом совершить в них богослужения. Патриарх Кирилл вспоминает о двух таких «тайных литургиях»: *«Одну из этих литургий митрополит отслужил у стены, выщербленной пулями, на месте расстрела заключенных Соловецкого лагеря особого назначения, ныне известного также под именем Русской Голгофы. Другую – на бывшем монашеском острове Валааме, посреди разгромленного, опоганенного и оскверненного кощунниками кладбищенского храма. Владыка был убежден в совершенной необходимости для него совершить, несмотря ни на что, эти богослужения, он видел в этом духовную потребность и свой высокий долг. Напомню, что на дворе стояло самое глухое и безысходное застойное время, и в лучшем случае так называемые простые советские люди, сызмальства воспитанные в духе атеизма, застигнув «попов» на месте «преступления», не мудрствуя лукаво повлекли бы нас в милицию, а в худшем – поглумились бы над совершителем Таинства и покусились бы на святыню. Однако милостью Божией не произошло ни того ни другого. А две эти тайные литургии, за которыми я имел счастье прислуживать*

митрополиту Никодиму, продолжают жить в памяти как сильнейшие религиозные переживания моей жизни»^{lxiv}.

Митрополит Никодим работал на износ, что не могло не сказываться на его здоровье. Особенно изматывающими были для него встречи с уполномоченным Совета по делам религий по Ленинградской области Г.С. Жариновым, который всячески препятствовал активизации церковной жизни в северной столице. По его распоряжению в городе был запрещен колокольный звон (исключение было сделано лишь для богослужений, совершавшихся митрополитом Никодимом). Жаринов вмешивался во внутренние церковные вопросы, часто пытался воспрепятствовать рукоположению того или иного студента в священный сан. Митрополиту приходилось – нередко до глубокой ночи – защищать своих сподвижников от нападок и обвинений, уговаривать уполномоченного не принимать те или иные решения, которые могли бы нанести ущерб Церкви.

Свой первый инфаркт митрополит Никодим перенес в 1972 году, после чего инфаркты следовали с перерывом в несколько месяцев. В 1974 году он вынужден был уйти в отставку с поста председателя ОВЦС, в 1975-м перенес пятый инфаркт. К середине 70-х годов митрополит Никодим, несмотря на свою молодость, превратился в тяжелобольного человека. Его постоянным спутником был пузырек с нитроглицерином, который помогал ему поддерживать себя в рабочем состоянии.

Смерть настигла митрополита Никодима в Ватикане, где он присутствовал на отпевании папы Павла VI, а затем на интронизации новоизбранного папы Иоанна Павла I. В последние дни перед смертью митрополит чувствовал себя плохо, жаловался на духоту, боли в локтевых суставах, отеки, тяжело дышал и передвигался с трудом^{lxv}. 5 сентября 1978 года во время аудиенции у папы Иоанна Павла I с митрополитом Никодимом случился седьмой инфаркт, оказавшийся смертельным. Ему в это время было 48 лет.

Отпевание митрополита Никодима, которое состоялось в Троицком соборе Александро-Невской лавры 10 сентября 1978 года, возглавил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен в сослужении множества иерархов, среди которых был и ближайший ученик митрополита Никодима архиепископ Выборгский Кирилл. В своем слове на отпевании почившего иерарха архиепископ Кирилл сказал: *«Господь даровал владыке какие-то совершенно особые силы: и силы ума, и силы воли, и силы чувств. И всем своим естеством владыка прозревал те подлинные проблемы, которые ныне стоят перед Церковью и которые будут перед ней стоять в будущем. И, напрягая свое могучее человеческое естество, он находил и проводил в жизнь мудрые решения этих проблем или подготавливал таковые для будущего, не думая никогда о том, будет ли он здесь, на земле, зрителем или участником грядущих свершений. Его действия, его устремления основывались только на одном: принести в меру сил своих пользу Христовой Церкви, которой он посвятил свою жизнь. Сделано было много покойным нашим дорогим владыкой, даже, может быть, слишком много для одной человеческой жизни»^{lxvi}.*

На похороны митрополита Никодима собрался весь церковный народ северной столицы. *«Он пользовался абсолютной поддержкой и любовью народа. Это особенно проявилось, когда он умер. Это было что-то потрясающее. В моей памяти десятки тысяч людей в атеистическом Ленинграде»,* – говорит Патриарх Кирилл^{lxvii}.

По воспоминаниям близких к нему людей, митрополит Никодим никогда не сомневался в том, что гонения на Церковь прекратятся. Нередко он говорил своим помощникам: *«Не падайте духом, братие: придет время, когда в Кремле зазвонят колокола»^{lxviii}.* Сам он не дождал до того времени, когда в Кремле зазвонили колокола, но дожили многие из тех, кто обязан ему своим духовным формированием и своим продвижением по церковной лестнице. Среди них – приснопамятный Святейший Патриарх Алексей II, нынешний Святейший Патриарх Кирилл, митрополиты Киевский Владимир, Санкт-Петербургский Владимир, Минский и Слуцкий Филарет, Крутицкий и Коломенский Ювеналий. Прошло более 30 лет со дня кончины митрополита Никодима, а

во главе Русской Церкви продолжают стоять люди, которых он «продвинул» и для которых его память остается священной.

В 1994 году, выступая на конференции, посвященной 20-летию со дня кончины митрополита Никодима, Патриарх Кирилл, тогда митрополит Смоленский и Калининградский, говорил: *«Мужество этого выдающегося иерарха, его необыкновенная эрудиция и всецелая преданность делу Церкви помогли ей выстоять в годину испытаний. Он первый заговорил с земными владыками на равных, и государственная власть его ненавидела, боялась, но вынуждена была уважать. Если бы Бог судил Владыке Никодиму дожить до наших дней, уверен, что он ни на йоту не отступил бы от принципов свободы Церкви, которым оставался верен до своего последнего часа. Ныне определенные силы, стремящиеся замкнуть Церковь в рамках культурно-исторического наследия, отчетливо понимают, сколь важна достойная оценка трудов и личности митрополита Никодима для новых поколений иерархов, и потому всеми силами стремятся опорочить его память. Его продолжают бояться даже мертвого»*^{lxxix}.

Спустя десять лет, говоря о значении митрополита Никодима для своего формирования, Патриарх Кирилл подчеркнул: *«Будучи рядом с такой человеческой глыбой, как митрополит Никодим, я понял, может быть, самое главное на всю будущую жизнь: как Церковь должна действовать, чтобы успешно осуществлять свою миссию. Он учил меня так: прямо не летают даже вороны. Они ищут обходные потоки воздуха. Поэтому никогда не бейся головой об стену, ищи способ, как ее обойти, не меняя свое намерение. Я много раз видел, как мой учитель обходил неприступные стены, оставаясь абсолютно во всем верным Русской Православной Церкви»*^{lxxx}.

Студенчество, постриг, рукоположение

Итак, в 1965 году Владимир Гундяев по совету митрополита Никодима поступил в Ленинградскую духовную семинарию.

К этому времени Ленинградские духовные школы переживали нелегкие времена. Открытые в послевоенный период, семинария и академия в городе на Неве к 1958 году насчитывали около 800 учащихся. Однако уже к 1962 году их число снизилось до 357, а к лету 1965-го – до 150. Деятельность духовных школ строго контролировалась государственными органами. В первой половине 60-х годов власти ставили вопрос о закрытии духовных школ, и лишь твердость митрополита Никодима помогла им выстоять. Дабы предотвратить закрытие академии, митрополит создал в ней факультет иностранных студентов, на котором обучались студенты из африканских стран^{lxxxi}.

Вспоминает Патриарх Кирилл: *«Семинарию и академию готовили к закрытию. Осуществлялся довольно жесткий отбор студентов. Делалось это при активном вмешательстве властей. И начиная с 1960 года в семинарию брали очень мало слушателей. Причем принимали людей очень низкого интеллектуального уровня, и чаще всего – душевнобольных. А те, кто учился в академии и заканчивал ее, это были молодые, здоровые, симпатичные, достаточно развитые люди. И эта граница воспринималась мною видимым образом. Входишь, бывало, на трапезу, за столами «гудят» полные академические курсы: четвертый, третий, второй. Первый – уже поменьше. А за семинарскими столами – мрак и уныние. Мне было очень тяжело. Неизвестно, чем бы дело закончилось, если бы опять-таки не владыка Никодим. Пока он был жив, мы не чувствовали давления власти, о котором поговаривали все. Владыка всех нас защитил от этих холодных ветров. Мы были как в апельсиновом очень доброжелательной атмосфере, благоприятствующей нашему росту»*^{lxxii}.

В те годы в Ленинградской духовной академии преподавали профессора, получившие образование до революции, блестяще владевшие древними языками. *«Когда преподаватель... мог смело цитировать латинских или греческих отцов, писать*

латинские или греческие тексты на доске, причем спонтанно, отвечая на какой-нибудь вопрос, это производило огромное впечатление, – вспоминает Патриарх Кирилл. – Вместе с тем это были люди, прошедшие тюрьмы и лагеря, и они, думаю, до конца не верили в возможность выражаться так, как они хотели, высказывать то, что они хотели бы высказывать. Поэтому на их деятельности лежала некая печать замкнутости и чрезмерной внутренней цензуры, которая чувствовалась в каждом слове. Чувствовалось, что это не просто люди из дореволюционного прошлого, но и из сталинского прошлого. И они еще помнят, что такое лагеря, тюрьмы и как закончили жизнь их собратья, с которыми они учились в дореволюционных школах. Но сам факт, что в послевоенных духовных академиях нашей Церкви работали именно люди дореволюционной закваски, имел огромное значение для преемственности образования»^{lxxiii}.

Поступив в семинарию, Владимир Гундяев лишь полгода проучился в режиме обычного студента. А потом митрополит Никодим пригласил его и сказал, что он будет у него послушником и личным секретарем. «Все мое последующее обучение сочеталось с работой личного секретаря митрополита, – рассказывает Патриарх Кирилл. – Поэтому у меня не было возможности посещать лекции систематически – я посещал их выборочно, слушал только наиболее интересных профессоров и преподавателей. Более того, митрополит требовал, чтобы я закончил курс обучения быстрее, чем это предполагалось учебным планом. И мне приходилось за один год сдавать два курса. Не знаю, хорошо это или плохо, но годы учения запомнились бессонными ночами и постоянной необходимостью сдать очередной экзамен или написать очередное сочинение. Это было очень напряженное время, потому что и по секретарской линии тоже были большие нагрузки»^{lxxiv}.

Для того времени ускоренное прохождение семинарского курса было явлением необычным. «Я бы даже сказал, что это был вызов властям, – утверждает протоиерей Владимир Сорокин. – Ведь тогда жестко следили, чтобы на курс в семинарию и в академию не принимали больше студентов, чем было положено. А сдав программу в два раза быстрее, Владимир дал возможность поступить другим»^{lxxv}.

В 1969 году Владимир, которому тогда было 22 года, подал прошение о пострижении в монашество. К этому времени он, пройдя восьмилетний цикл обучения за четыре года, уже заканчивал учебу в духовной академии. Решение принять монашество пришло не сразу. Важную роль в принятии этого решения сыграл митрополит Никодим: «Я, поступив в семинарию, не думал о монашестве... Моей целью было окончить семинарию и академию, получить богословское образование. Я мечтал быть богословом и, может быть, совмещать это с приходским служением. Но когда я был назначен на пост секретаря митрополита Никодима, то стали возникать мысли о монашестве. Во-первых, потому, что владыка подчеркивал важность монашеского служения для современной жизни Церкви. А во-вторых, образ жизни: мне необходимо было отдавать себя служению в гораздо большей степени, чем при обычной семейной жизни. Я невольно стал задавать себе вопросы о том, как же сложится моя судьба дальше. Митрополит говорил, что работать надо так и еще больше. Что другого пути нет, нас мало»^{lxxvi}.

Приблизительно за год до пострига Владимир понял, что просто так решить этот вопрос, взвесив все «за» и «против», невозможно: «Надо всего-навсего предаться в руки Божии. Я сказал себе, что если до хиротонии я встречу девушку, которая будет моей избранницей, то женюсь, а если нет, то приму монашеский постриг в преддверии праздника Благовещения. Так оно и получилось»^{lxxvii}.

Некоторые преподаватели академии отговаривали Владимира от этого шага. В частности, известный протоиерей Владимир Амбарцумов предостерег его: «Отдаешь ли ты, Володя, себе отчет в своем намерении? Ведь ты распорядился не только судьбой своей – 22-летнего человека, но и тридцати-, сорока-, пятидесятилетнего мужчины. За

всех них ты сделал выбор, сказав «да». А не получится ли так, что семидесятилетний старик, которым ты станешь когда-то, плевать на тебя будет?»^{lxxviii}

Перед принятием пострига Владимир задал вопрос митрополиту Никодиму о том, как он, будучи монахом, справляется с естественными проявлениями человеческой плоти. Ответ митрополита Никодима поразил молодого студента: *«Он сказал: «Сделай так, чтобы в твоей жизни не было свободного времени, и ты справишься с этой проблемой». Это действительно так. Если епископ или священник не имеет досуга, если он устаёт, то Господь даёт силы управлять и своим инстинктивным началом. Если человек живёт, имея досуг, если у него очень много свободного времени, если он не сопровождает свою жизнь молитвой и самоанализом, то практически невозможно сопротивляться. Это состояние души и ума. И ещё митрополит Никодим говорил: «Никогда не концентрируйся на этой теме. Должны быть другие проблемы, и тогда ты пройдёшь по жизни достойно»^{lxxix}.*

3 апреля 1969 года митрополит Никодим постриг Владимира в монашество с именем Кирилл в честь святого равноапостольного Кирилла, просветителя славян. 7 апреля, в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, монах Кирилл был рукоположен митрополитом Никодимом в сан иеродиакона, а 1 июня – в иеромонаха. Одновременно с прохождением священнической практики иеромонах Кирилл сдавал экстерном экзамены за последний курс академии, получив по всем предметам оценку «отлично».

Спустя год после окончания академии, в июне 1970 года, иеромонаху Кириллу была присуждена степень кандидата богословия за диссертацию на тему «Становление и развитие церковной иерархии и учение Православной Церкви о ее благодатном характере». Научным руководителем диссертанта был протоиерей Ливерий Воронов, один из старейших и наиболее уважаемых профессоров Ленинградской духовной академии. *«Это был человек совершенно незаурядный, десять лет отсидевший в сталинских лагерях, уже после войны, будучи в священном сане, – вспоминает Патриарх Кирилл. – Он был блестящим богословом, я думаю, лучшим в то время в России. Я многому научился, взирая на то, как он относится к словам, как он тщательно редактирует свои тексты, как он не позволял в своей устной речи употреблять слова, не имеющие смысла. Его пример самодисциплинированного человека в отношении мыслей и слов был для меня очень значителен»^{lxxx}.*

В своей диссертации иеромонах Кирилл на основе творений ранних отцов Церкви (Игнатия Богоносца, Ириней Лионского и других) рассматривает становление епископата в древней Церкви. В диссертации использовались современные научные труды, в том числе малодоступные в то время работы русских богословов «парижской школы» – протопресвитеров Николая Афанасьева и Александра Шмемана. После успешной защиты диссертации иеромонах Кирилл был оставлен при Ленинградской духовной академии профессорским стипендиатом, преподавателем догматического богословия и помощником инспектора. Одновременно он исполнял обязанности классного наставника 1-го класса семинарии и личного секретаря митрополита Никодима.

Уже в годы студенчества иеромонах Кирилл по благословению митрополита Никодима участвовал в международной деятельности Русской Православной Церкви. Принимал участие в заседаниях III Всехристианского Мирного Конгресса в Праге, IV Ассамблеи Всемирного совета Церквей в Упсале (Швеция), в заседаниях Центрального комитета ВСЦ и Молодежной комиссии Христианской Мирной Конференции*.

В 1971 году иеромонаху Кириллу было поручено принять решение о вступлении духовных школ Русской Православной Церкви в Синдесмос – всемирное братство

---

* Христианская мирная конференция (ХМК) — неправительственная миротворческая организация при Совете по экономическим и социальным вопросам ООН. Создана в 1958 году. Объединяет религиозные организации 86 стран мира со всех континентов. ХМК разрабатывает с богословской позиции вопросы ответственности Церквей за сохранение мира, выступает против применения оружия массового уничтожения.

православной молодежи* . Рассказывает Патриарх Кирилл: *«Вспоминаю 1971 год, когда я, молодой иеромонах, был приглашен митрополитом Никодимом в его кабинет и тот долго молчал, прежде чем начать разговор. Затем он достал два конверта и сказал, что в них находятся письма к президенту Синдесмоса Альберту Лахаму... В одном письме говорилось о том, что Русская Православная Церковь принимает решение вступить в Синдесмос, в другом – что такое решение откладывается. И он сказал мне: «Ты обязан будешь принять решение, какое письмо отдать президенту, принимая во внимание очень сложную политическую ситуацию в нашей стране и трудную ситуацию в Церкви». В чем же состояла сложность в принятии Русской Церковью решения о вступлении в Синдесмос?.. Как Церковь, так и духовная жизнь народа находились под жестким контролем правительства, и большей частью власти не желали появления православного молодежного движения, чтобы не допустить активности ни Церкви, ни молодежи. Этого не хотели власти, но горячо желала Церковь, и мы были обязаны найти верное решение... чтобы вдохновить такое церковное движение. Но нужно было сделать так, чтобы не вызвать нестроения в Церкви и не спровоцировать ужесточение церковной политики властей. Митрополит Никодим прекрасно понимал, что Синдесмос – международная организация с обширными молодежными контактами – мог бы стать средством к тому, чтобы оживить и вдохновить православное молодежное движение и в стране, и в Церкви, мог бы обогатить нас опытом молодежной работы, навыки которой были давно утеряны... В ходе Ассамблеи я достаточно ясно осознал, что необходимо передать президенту письмо, в котором говорилось, что русские духовные школы вступают в Синдесмос»^{lxxxix} .*

На Ассамблее 1971 года духовные школы Московского Патриархата вступили в Синдесмос, а иеромонах Кирилл был избран членом Исполнительного комитета этой межправославной молодежной организации.

---

* Всемирное братство Православной молодежи «Синдесмос» было создано в 1953 году во Франции группой молодых Православных богословов, в которую входили Иоанн Мейендорф, Никос Ниссиотис, Георгий Ходр, священник Александр Шмеман и другие. Деятельность «Синдесмоса» получила благословение и поддержку всех Поместных Православных Церквей и способствовала расширению свидетельства о Православии в различных его аспектах. Литургическая жизнь, пастырская работа с молодежью, миссионерская деятельность, богословие, Православное свидетельство в межхристианском контексте, диалог с восточными Православными Церквами стали основными темами молодежных встреч и фестивалей. В настоящее время во Всемирном Православном братстве состоят 11 молодежных организаций и духовных школ Русской Церкви.

ПРИМЕЧАНИЯ К ПЕРВОЙ ЧАСТИ

- ⁱ «В служеньи том есть смысл великий...» Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл рассказывает о своей семье // Республика Башкортостан. 2007, 10 февр., № 28.
- ⁱⁱ Цит. по: Архивы Кремля. В 2-х книгах. Кн. 1: Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. Москва–Новосибирск, 1997. С. 141–142.
- ⁱⁱⁱ Полный текст декларации см. в: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917—1943 / Сб. в 2-х ч. Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 509–513.
- ^{iv} «Сопротивляться злу и утверждать добро». Беседа митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла с корреспондентом журнала «Церковь и время». (К 25-летию служения в архиерейском сане митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла) // Церковь и время. 2001, № 1(14). С. 9–10.
- ^v Малухин В. Путь к священству. К 100-летию со дня рождения протоиерея Михаила Гундяева // Журнал Московской Патриархии. 2008, № 5. С. 84.
- ^{vi} Обращение Православных епископов к правительству СССР. «Соловецкое послание» (май 1926 г.). Цит. по: Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 233.
- ^{vii} Елков И. Шестнадцатый. Малоизвестные эпизоды биографии избранного Патриарха Московского и всея Руси Кирилла // Российская газета. 2009, 29 янв., № 4838.
- ^{viii} Малухин В. Путь к священству. С. 84.
- ^{ix} Евангелие и свобода. Ответы митрополита Кирилла на вопросы о. Иакинфа Дестивеля и иером. Александра (Синякова). Опубликовано в переводе на французский язык в книге: Métropolitte Cyrille de Smolensk et de Kaliningrad. L'Évangile et la liberté: Les valeurs de la Tradition dans la société laïque. Paris: Cerf, 2008. С. 11. На русском языке публикуются впервые. Здесь и далее указываются номера страниц по французскому изданию.
- ^x Карпуть Г. «Право правящий слово Твоя истины». Корни шестнадцатого Патриарха Всея Руси ведут в Башкортостан // Республика Башкортостан. 2009, 29 янв., № 16.
- ^{xi} Ермаков А., Блохин М., Матиякубова Х., Глубоковских Е. Патриарх мог стать филологом, если бы вступил в комсомол Малоизвестные факты из жизни нового главы Русской Православной Церкви // Комсомольская правда, 2009, 2 февр.
- ^{xii} «В служеньи том есть смысл великий...» Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл рассказывает о своей семье.
- ^{xiii} Карпуть Г. «Право правящий слово Твоя истины».
- ^{xiv} Малухин В. Путь к священству. С. 84.
- ^{xv} Шкаровский М. В. Духовное образование в Петрограде в 1917–1928 гг // Духовное образование в России. Материалы международной конференции. Смоленск, 14–16 октября 1994 г. С. 26–28.
- ^{xvi} Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский. Преодолеть разрыв между богословием и жизнью // Церковь и время. 1999, № (2) 9. С. 140–141.
- ^{xvii} «Сопротивляться злу и утверждать добро». С. 8.
- ^{xviii} Евангелие и свобода. С. 13.
- ^{xix} Ермаков А. Отца Патриарха Кирилла могли расстрелять за покушение на Сталина // Комсомольская правда. 2009, 29 янв.
- ^{xx} Евангелие и свобода. С. 14.
- ^{xxi} «Сопротивляться злу и утверждать добро». С. 9.
- ^{xxii} Weisung Nr. Ia 1601/41 vom 22. September 1941 «Die Zukunft der Stadt Petersburg».
- ^{xxiii} Малухин В. Путь к священству. С. 87.
- ^{xxiv} «Сопротивляться злу и утверждать добро». С. 13–14.
- ^{xxv} Яровикова Е., Евстратова Е., Васильев И. «Владыку Кирилла ведет Божий промысел». Эксклюзивное интервью с родной сестрой Патриарха // Интернет-портал «Life.ru», 28.01.2009 (<http://www.life.ru/video/8702>).
- ^{xxvi} Ермаков А. Отца Патриарха Кирилла могли расстрелять за покушение на Сталина.
- ^{xxvii} «Сопротивляться злу и утверждать добро». С. 10.
- ^{xxviii} Там же. С. 11.
- ^{xxix} Сложный жанр. Интервью будущего Святейшего Патриарха Кирилла. Расшифровка фильма «Митрополит» по сценарию Н.Лисового. Студия «Пита» // Интернет-портал «Православие и мир» (http://www.pravmir.ru/article_3770.html).
- ^{xxx} Торжества по случаю 100-летия преставления святого праведного Иоанна Кронштадтского проходят в Санкт-Петербурге // Русская Православная Церковь. Официальный сайт (<http://mospat.ru/index.php?page=43778>).

- ^{xxxii} Тягнибеда О., Велигжанина А. Новоизбранный Патриарх Кирилл: «Христианство не должно быть музейным!» Митрополит Кирилл очень искренне рассказал о своем отношении к молодежи, привел ранее неизвестные истории из своей жизни // Комсомольская правда. 2009, 29 янв.
- ^{xxxiii} Суворов Е. «Россия может дать новую жизнь Вселенной». Интервью митрополита Кирилла газете «Вера-Эском» // Вера-Эском, октябрь 2005, № 501.
- ^{xxxiiii} Ермаков А., Блохин М., Матиякубова Х., Глубоковских Е. Патриарх мог стать филологом, если бы вступил в комсомол.
- ^{xxxiv} Сложный жанр. Интервью будущего Святейшего Патриарха Кирилла.
- ^{xxxv} Там же.
- ^{xxxvi} Там же.
- ^{xxxvii} Там же.
- ^{xxxviii} Ларина Н. Митрополит Кирилл: «Я отдал себя в руки Божии» // Радонеж. 2008, № 7 (191).
- ^{xxxix} Евангелие и свобода. С. 22–23.
- ^{xl} Дамаскин (Орловский), иеромонах. Гонения на Русскую Православную Церковь в советский период // Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь. М., 1997. С. 188.
- ^{xli} См.: Фирсов С.Л. Апостасия. «Атеист Александр Осипов» и эпоха хрущевских гонений на Русскую Православную Церковь. СПб., 2004.
- ^{xlii} Фирсов С.Л. Апостасия. С. 197.
- ^{xliiii} Фирсов С.Л. Апостасия. С. 231.
- ^{xliv} Цит. по: Цыпин В., прот. История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997. С. 385. Оригинал речи: Алексей I, Патриарх Московский и всея Руси. Речь на Конференции советской общественности за разоружение (Москва, 1960 год) // Журнал Московской Патриархии. М., 1960. № 3. С. 33–35.
- ^{xliv} Цит. по: Русская Православная Церковь. XX век. М., 2008. С. 481.
- ^{xlvi} «То, что Церковь разделена, это большое горе». Беседа профессора Эрлангенского университета д-ра Фэри фон Лиленфельд с корреспондентом журнала «Церковь и время» // Церковь и время. 1998, № 4(7). С. 32.
- ^{xlvii} Ювеналий, митрополит Крутицкий и Коломенский. Предисловие // Человек Церкви. К 20-летию со дня кончины и 70-летию со дня рождения Высокопреосвященнейшего митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима, Патриаршего Экзарха Западной Европы (1929–1978). М., 1998. С. 8.
- ^{xlviii} Слово митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на церковно-научной конференции, посвященной 30-летию со дня кончины митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима (Ротова). 4 сентября 2008 г. ЛДА. Санкт-Петербург // Русская Православная Церковь. Официальный сайт (<http://mospat.ru/index.php?page=42491>).
- ^{xlix} Там же.
- ⁱ Там же.
- ⁱⁱ Там же.
- ⁱⁱⁱ Ларина Н. Митрополит Кирилл: «Я отдал себя в руки Божии» // Радонеж. 2008, № 7 (191).
- ⁱⁱⁱⁱ Боровой В. протопресвитер, Буевский А. Русская Православная Церковь и экуменическое движение (историко-богословское обозрение) // Православие и экуменизм: Документы и материалы, 1902–1998. М., 1999. С. 48.
- ^{lv} «Сопротивляться злу и утверждать добро». С. 16.
- ^{lv} Никодим (Ротов), митр. Русская Православная Церковь и экуменическое движение. Публичный доклад, прочитанный 5 июля 1968 года // Церковь и время. 1998, № 4 (7). С. 41.
- ^{lvi} Евангелие и свобода. С. 26–27.
- ^{lvii} Слово митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на церковно-научной конференции, посвященной 30-летию со дня кончины митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима (Ротова) // Интерфакс-Религия, 04.09.2008 (<http://www.interfax-religion.ru/?act=documents&div=817>).
- ^{lviii} Лев (Церпицкий), архиеп. Он всех нас поднял с колен. Беседа с корреспондентом журнала «Церковь и время» // Церковь и время. 1998, № 4 (7). С. 19.
- ^{lix} Гундяев Н., прот. Цит. по: Человек Церкви. С. 80–81.
- ^{lx} Лев (Церпицкий), архиеп. Он всех нас поднял с колен. С. 17.
- ^{lxi} Страхова Я. Митрополит Никодим. Жизнеописание // София. 2004, № 3.
- ^{lxii} «То, что Церковь разделена, это большое горе». С. 33.
- ^{lxiii} Сложный жанр. Интервью будущего Святейшего Патриарха Кирилла.
- ^{lxiv} Слово митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на церковно-научной конференции, посвященной 30-летию со дня кончины митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима (Ротова).
- ^{lxv} Лев (Церпицкий), архиеп. Он всех нас поднял с колен. С. 21–23.
- ^{lxvi} Кирилл, архиеп. Выборгский. Слово на отпевании митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима. Цит. по: Человек Церкви. С. 39.
- ^{lxvii} Сложный жанр. Интервью будущего Святейшего Патриарха Кирилла.
- ^{lxviii} Слово митрополита Кирилла на церковно-научной конференции, посвященной 30-летию со дня кончины митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима (Ротова).

-
- ^{lxxix} Светлой памяти митрополита Никодима // Русская Православная Церковь. Официальный сайт (<http://www.mospat.ru/archive/nr080981.htm>).
- ^{lxxx} *Ларина Н.* Митрополит Кирилл: «Я отдал себя в руки Божии».
- ^{lxxxi} *Шкаровский М. В.* Санкт-Петербургские (Ленинградские) Духовные школы во 2-й половине XX — начале XXI века // Вестник церковной истории. 2008, № 3 (11) (цит. по: http://www.religare.ru/2_57537.html).
- ^{lxxxii} Сложный жанр. Интервью будущего Святейшего Патриарха Кирилла.
- ^{lxxxiii} Евангелие и свобода. С. 30.
- ^{lxxxiv} «Спротивляться злу и утверждать добро». С. 14–15.
- ^{lxxxv} *Михина Е.* Валентине Ивановне еще припомнят? // Московский комсомолец в Питере. 2009, 4 февр., № 6/6 (835).
- ^{lxxxvi} *Шевченко М.* Архиерейские заботы // Интернет-проект «Фигуры и лица. Независимая газета». Выпуск от 15.03.2001. http://faces.ng.ru/person/2001-03-15/1_cares.html
- ^{lxxxvii} Там же.
- ^{lxxxviii} *Ларина Н.* Митрополит Кирилл: «Я отдал себя в руки Божии».
- ^{lxxxix} *Шевченко М.* Архиерейские заботы.
- ^{lxxx} Евангелие и свобода. С. 22.
- ^{lxxxxi} Цит. по: *Юревич Д.* Синдесмос и Санкт-Петербургские духовные школы // Христианское Чтение. 1999, № 18. С. 26–80.